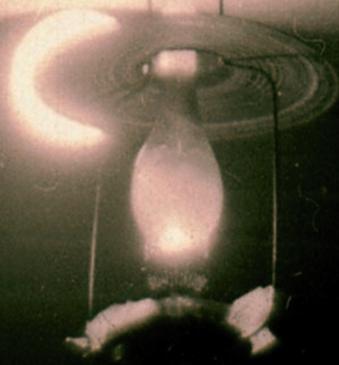

Сергей
Гонцов

ВТОРАЯ НАВИГАЦИЯ

2023

Сергей Гонцов

ВТОРАЯ НАВИГАЦИЯ

«РУССКАЯ КУЛЬТУРА»
Санкт-Петербург
2023

УДК 82-1
ББК 84(2)5
Г65

Литературное приложение к альманаху
«РУССКИЙ МИРЪ. Пространство и время русской культуры»

Гонцов, Сергей

Г65 **Вторая навигация** / С. Гонцов. — СПб.: Русская культура, 2023. —
134 с.

© Сергей Гонцов, текст, 2023
© НП «Русская культура», 2023

АЛЕКСЕЙ ГРЯКАЛОВ

ПРИБЛИЖЕНИЕ К ТАЙНАМ: СЛОВО В ПОЭЗИИ СЕРГЕЯ ГОНЦОВА

Слово о поэзии словно бы не предполагает особого внимания к личным встречам или впечатлениям — личное идет поэтическому вслед. Вспоминается: поэзия должна быть анти-биографичной. Не в том смысле, что жизненное и поэтическое не пересекаются друг с другом, как раз они в трудной встрече, но поэтическое призвано в мир, чтоб подниматься над вездесущим «человеческим, слишком человеческим». Поэтическое индивидуально и неповторимо поименовано — творчество предстает в свершениях: что открывается в человеке-поэте с каждым новым стихотворением — в следострочье по словесной и жизненной целине? Происходит приоткрывание поэтического в человеке и человеческого в поэтическом — стяженность произрастания двух образов и энергий.

И когда речь идет о современниках, кого можно встретить на совсем свежих страницах или в полутьме церковного притвора, или на берегу Верхней Волги или посреди изгибов Оредежа, открывающийся дар непосредственной встречи — словно бы просвет того, как именно рождается поэтическое. Поскольку же у жизни и у поэзии не только свои силы и правда, но и свои пространства, высказывания могут противоречиво расходиться — значимо событие нераздельности-неслиянности.

И потому с точки зрения стяженности поэтического и человеческого имеет смысл пребывать в личностном присутствии как в произрастании человеческого в поэзии: что нового открывается пристальному поэтическому взгляду в пробеге личного времени?

Придумать, как известно, ничего нельзя, можно поименовать то, что никем еще не было поименовано. Поэтически поименовать, потом найти сущность имени, а в конце концов выстроить особое благодарение творчеству и пониманию. И тогда в событии благодарности на своем месте оказываются личные встречи

и приближение к тому, что значимо для поэтического письма, в котором, как верно, хотя и вызывающе, отмечено, каждый автор — гость своего текста.

С поэтом Сергеем Гонцовым мы познакомились много лет назад в редакции журнала «Литературная учеба». Журнал тогда радовал неизвестными доселе публикациями Алексея Федоровича Лосева, Павла Александровича Флоренского, были опубликованы стихи Андрея Битова с предувещанием, что это стихи прозаика. Радовал и повод — мы были удостоены премии с названием «Лучший дебют года». Сергей Гонцов получил за подборку стихов «Исчезну и я, чтоб ангел вошел...», а я за рассказ «Бешеная лисица». Денежные премии по тем временам вполне достаточны, чтобы на одной из дач в Переделкино можно было продолжить общение до рассвета. И с тех пор, встречаясь с публикациями стихов Гонцова, я словно бы продолжаю те предрассветные разговоры.

Что открывается в творчестве моего друга, ранее не названное, не поименованное, следующее в узорах следов уже известного? Когда десять лет назад наши стихотворные подборки оказались рядом на страницах альманаха «Русский миръ» — третьим был казахстанский поэт и переводчик на русский язык поэзии сказителей-жырау Ауэзхан Кодар, издававший двуязычный журнал «Тамыр», — вера в синее небо «Тенгр» встретила с проникновенными строчками Сергей Гонцова об открывающихся в словах тайнах бытия и с моим стремлением дать голос вещам и всему, что нуждается в понимании, не имея собственных слов. Стало совсем ясно, что мы разными путями идем к представлению чудесного единства жизни, явленному в словах. Особенностью стихотворений Сергея Гонцова было видение родства того, что доступно взгляду и прикосновению, с тем, что навсегда пребывает словно бы неприкосновенным при всей очевидной явленности — «новый трепет снастей вселенских».

Личное жизнестроение идет не впереди и не вслед поэтическому, идут друг в друге, если они в одном схватывании и поименовании.

Я видел то, что видеть невозможно,
Но это ясно предстояло мне.
И множество зверей невероятных,
Детищ таинственного Рая, здесь узрел,

Чтоб накануне дней совсем иных
Не повредиться духом.

Удивительно в поэзии Сергея Гонцова рождается неповторимо названное, словно бы заново рожденное в слове то, что в своей надмирности, казалось бы, вовсе не может быть поименовано. Присутствующая апофатика оказывается преодоленной. Присутствие тайн жизни — дар для умозренья — поименовано парадоксальным образом-просветом.

Для начала совершается видение-как-в-первый-раз, затем приведение к светящейся в мерцаниях ясности. Поэт, называющий имена вещей, и философ, знающий истинный вид вещей, приходят к одному и тому же — в терминах Хайдеггера (используя интерпретацию философа Даниэля Орлова) именно здесь отворяется просвет, исходно задаваемый складкой говоримого и зримого. Поэтическая дефиниция феномена принимает форму единства имени и света.

Что происходит в непрерывности дарения?

Хайдеггер говорит о третьем элементе единства поэтического и метафизического умозрения, который отступает в неизреченное и невидимое, чтоб дать место сплетениям слов и вещей. Постоянно ускользает, неуловимое и безотносительное, пребывающее в непрерывном смещении — может казаться, что сам разговор о нем, как бы он ни велся поэтом или мыслителем, представляется невозможным именно из-за его житейской безместности и вневременья. «Кочевники красоты — мы художники», — определял племя поэтов Вячеслав Иванов. Но именно безместность поэтического кочевья делает его всеприсутствующим, рассеянным по всем полям жизни и языка. Как раз это пребывающее в мерцании, создаваемом словом и мыслью, уединенное существо способно выслушивать «перезвон тишины» — поэзия и метафизика друг в друге заново обретают себя.

Вот тут личное и поэтическое встречаются в событии творчества.

Нетронутая целина нового поименования и нового открывания бытия сходятся в событийной мысли, в которой тайны существования и творчества представлены как намеки и мерцания и не могут быть сведены к тому, что случается между людьми и между словами. И в событии живет то благодарение творческому

усилию, которое стяженно собирает способных благодарить за то, что открывается поэтическим творчеством, к чему люди близки с «кистока дней».

Образы, создаваемые поэтом Сергеем Гонцовым, представляют, может казаться в первом приближении, совсем недоступное, но, будучи названным, показывает себя в поименованной близости и родстве. Постоянно свершается странствие: названное слово в стремлении обрести имя и вид приближается, но не только не дается в руки случайным встречам, но обращается к тому, что никогда не присваивается до конца и мерцает тайной. Внимание поэта к смыслу термина Платона «Вторая навигация» свидетельствует о значимости того, что скрыто в глубине — действует не узнавание, а видение — именно увиденное умственным взглядом, не утратившим способности видеть и именовать увиденное как в первый раз. Именно здесь поэт не одинок — среди зримых идей, среди рискованных вопрошаний, за которые, может, придется просить прощения. Все сходится во вселенских встречах — они же и тайно спасают. Но как к ним приблизиться? Где пребывает то, что достойно благодарения?

Над нездешней любовью Пресветлая грезит, клоня
Примирительный Лик, так небесное или земное
То ли видит меня, то ли тайно спасает меня,
А воскреснет — Другое, — Вселенское или Родное...

Именно через приобщение к поэтическому человек способен видеть чудесные тайны, спасающие, пересоздающие и утверждающие. Способен видеть не только воскресающее Другое, но прозреваемое Иное. Какой именно человек благодаря поэтическому обращению к жизни и миру формируется во взаимодействии поэзии и мира?

И нужно развести понятия жизни и мира. Мир — близлежащее и подлежащее, а жизнь никогда не исчерпывается близлежащим и подлежащим.

Проникновение в жизнь.

Приблизить мощное умозренье Платона,
Вот задача, решенье и гений места...

Стать существом, знающим пути мысли и в себе сохраняющим чувства странствий, риска и обретения — стать свидетелем,

существом границы и предела, опасно приближающимся к тому, что всегда пребывает в никогда до конца неисчезающей тьме.

Но встает вопрос — о себе самом. О себе самом — центральной монаде — и о том, кто рядом.

«И Кто Свидетель, вот как мы с тобой?» — на фоне уравнивания себя с теми, кто рядом, возвышено представление о поэтической призванности.

Как после сказочной разлуки
Я вижу дымчатую тьму
И ясно различаю звуки
Что недоступны никому.

Поэтическая и метафизическая гордыня? Что ж без признания собственной избранности поэту не решиться на вызов и поединок — дар обязывает, а боящийся в любви несовершен. Дело, стало быть, хотя слова о деле лишь приближение, состоит в рискованном пребывании и рассказе об «узилище теней». Но только пребывание в узилище, как и возвращение оттуда не простой выход, а рискованное предприятие — поэтическое усилие состоит в борьбе с уже известным, — это то, что Ксенофонт назвал «анабасис».

Лучше иль хуже сделался ты, не разобрать,
Вера, любовь, забвенье, — этот запах и цвет.
Были тысячелетия, — рождаться, зреть, умирать,
И возвращаться тайно, собой возвращая свет...

Человек-свидетель на выходе строки? Не пассивное ли существо, отдаленное от строительства и ремесла? Противостоящее повседневности, но и внедренное в нее — тут ощущения, переживания, боль и мысли о смерти.

Мне кажется, я знаю, что отсюда
Нам не дано уйти, и навсегда
Вот этот путь кремнистый, и вода,
Текущая на волю из-под спуда,
Как знак незавершенного труда.

И подобно тому, как любовью нельзя остановить войну, так и поэзией ее не остановить. Но если нет любовности и поэзии, гостеприимства как закона над законами и поэзии как делания,

которое обращает каждое деяние к самому себе, тогда войны становятся привычно-бесконечными.

Как быть?

И чем сердце успокоится? — вопрос из цыганского гадания к любому житейскому времени. И все-таки вопросы не только к тому времени, что неизбежно в строке.

И точно ветер с Океана, —
В неочарованной дали
Другая жизнь, темна, желанна,
Огонь, играющий в пыли.

Это не слова о вынужденных и невынужденных согласиях повседневности — это слова о всепрятии до встречи. Поэт Сергей Гонцов преобразует время в надвремя, не лишая его предметной и трансцендентной наполненности. Такой взгляд — возвышающий жест восстановления подлинности слова и мерцающей в поэтическом слове таинственности жизни.

ЧУЖИЕ НЕБЕСА

За церковной оградой те самые очи горят,
Божья Матерь простит, что прошу о неясном и трудном.
Зацелован оклад, да никто не вернётся назад,
Не воскреснет земля в прежнем облике чудном.

А в миру — под звездой — безмятежно пылает окно,
И за вербой в серёжках долина исходит слезами, —
Я чужой красотой пересоздан и брошен давно,
И чужими любим, золотыми во тьме, небесами.

Над нездешней любовью Пресветлая грезит, клоня
Примирительный Лик, так небесное или земное
То ли видит меня, то ли тайно спасает меня,
А воскреснет — Другое, — Вселенское или Родное...

КОГДА-ТО ПРЕЖДЕ

Я ужаснулся, — миру иль стране,
Как видно, Крепкий мыслил обо мне,
Но как-то так, чтоб мелкие детали,
Хотя б вот этот ужас, этот скарб,
Веками созданный, не надмевался,
В тупик не ставил, не пылил в глаза,
Гигантский воздух шевелился рядом,
А в нём располагался Материк,
Пустыни, горы, — дар для умозренья,
Как ни тяжёл и страшен мир предметов,
Не отягчённый смыслом.
Я видел то, что видеть невозможно,
Но это ясно предстояло мне.
И множество зверей невероятных,
Детищ таинственного Рая, здесь узрел,
Чтоб накануне дней совсем иных
Не повредиться духом.
И новый век, как скифская повозка,
Катился мимо всех, чтоб разглядеть
Там, впереди, — какой-то новый трепет
Снастей вселенских.

ЗАКОЛДОВАННОЕ МЕСТО

И выхода нет мне, и здесь оставаться нельзя,
Тут всё нарисовано — грифелем или алмазом,
И в толк не возьмёшь, нарисована даже стезя,
И вьётся далече, и дразнит чудесным рассказом.

И всякий листок прорисован с нездешней тоской,
И белая хата, и пруд, и русалки в купавах,
И даже печаль, что прикинулась тёмной рекой,
И даже финифть, что мерцает на медленных травах.

И церковь на мощной вершине горы земляной,
И даль Океана, и весь материк, и другие
Кремнистые доли, всё стало картиной сплошной,
Настолько подробной, что спят времена и стихи.

Куда же нам плыть? И откуда промыслить побег?
Не видно опоры, а грифель с алмазом теснятся
И множат детали, и страшен начертанный век,
И виды такие, что даже в кошмарах не снятся.

Но ласточку вспомнишь, когда подрезает легко
Стервятника точного, и повлечёшься недаром, —
Вослед за Творцом. И дорога лежит — далеко,
И раннее лето восходит туманным пожаром...

* * *

Когда ни письма, ни события,
И нечего ждать, чтоб ниоткуда
Взялись, вот как зелёные листья
Иль впотьмах светящиеся предметы,
Образующие новые пределы мира, —

Приблизить мощное умозренье Платона,
Вот задача, решенье и гений места,
Он же Второй навигации Мастер,
И прекрасно знал, что налечь на вёсла
Придётся корабельщикам даровитым,
Не дождавшись под тёмными парусами
Хоть какой речи иль дуновенья от Эола...

БОЛЬШАЯ ИГРА

Я рос на камнях Империи, разобранной в несколько дней,
Поскольку мощь возымело презренное царство теней.
Но вхож во Дворец забытый, — и с Древом в одном ряду,
Я понял — всё намного сложнее, чем дьявол имел в виду.

Он план разработал шикарный, но сил соразмерить не мог,
Поскольку на все эти карты с усмешкой поглядывал Бог,
Но всё превратилось в руины, умноженные на миллиард,
Без всяких прикидок к местности, без этих павлиньих карт.

Вот место, где я пробудился, как некий индийский принц,
Как видно, блицкриг не задался, но в принципе верх и низ
Менялись местами безбожно, а дьявол пространство гасил,
Как Ангел — свечу, но сосуду в рогах едва ль доставало сил.

А потому, торжественно и неуклонно, законы Большой Игры,
Как Млечный путь, развернулись над зрелищем Чёрной Дыры,
Естественно и необходимо, как говорил великолепный хронист,
В покер играть с Костлявой пришлось под грохот и свист.

Всё обошлось, вот только выигрыш оказался настолько велик,
Что я превратился в точку, но зато окрест расцвел Материк.
И вздох совершенной свободы, что создан гигантской виной,
Стал пространством Вселенной, сжатой до сказки земной.

Все камни собрать невозможно, но власть руин здесь и там
Твердила совсем иное, что странствиям, битвам, трудам, —
Всё это не только доступно, но отдано, — прежде времён,
Как тяга земная, как радость, как тайна премудрых племён.

НОВАЯ АДСКАЯ ПОЧТА

Как после сказочной разлуки
Я вижу дымчатую тьму
И ясно различаю звуки
Что недоступны никому.

О да, в ученье к исполину
Я отдан был в начале дней,
И вот прекрасную долину
Нашёл в узилище теней.

Тут всё небесное, земное,
Ни в чем во Аде не успев,
Преображается в иное,
В никем не знаемый распев.

И с ужасом, и с восхищеньем
Поймёшь внезапно в этот миг,
Каким немислимым движеньем
Весь этот мир Творец воздвиг.

Как после сказочной разлуки,
На склоне каменном, впотьмах
Я вновь поймаю эти руки
И взгляд, в котором Божий страх.

И если время, как плотину,
Разрушить, то чудесный цвет

Осилит здешнюю чужбину,
Во Ад схождению в ответ.

И разве повести варягов
Меня способны удивить,
Вот сказку начерно развить
Посредством небывалых знаков, —

Тут дьявол цепь грызёт во мраке,
Как дубликат иль древний рок.
Но тщетно он грызёт, а Рог
Он потерял в старинной драке.

И прежде всякого движенья,
Что возникает, как Река,
Тут об утерянном тоска
Находит лики утешенья.

Они мне сердце надрывают,
И затмевают ясный взгляд,
На Божьих дудках завывают,
Когтями вечность шевелят.

Гиперборейя иль Эллада
И сам пречудный Гераклит,
Всё тут, и кубок перелит,
И всё не кончится баллада...

О Пасха! Утренний народ
Вкруг храма сильного обходит,

И речи дикие заводит,
И свечи строгие несёт.

Что делать нам? Земля темна,
Петровский парк шумит, как бездна.
Да всё же, — сказочно-небесна
Вот эта мощная весна.

Как этот медленный фрегат
Вселенной избранного храма,
Как тысячи других, чтоб драма
Столетий, хоть не имут срама,
Тут расцвела, — на новый лад...

О Пасха! И кремень блестит,
Как путь во Ад и Воскресенье,
О Ад окрестный! Бог простит.
За тёмным замком Див свистит,
Домой теперь, во мрак весенний...

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Я точно слышал этот разговор
Над мощными старинными гробами,
Что в Океане земляном
Живут отдельной жизнью...
Раскрылся дуб, вот тут явились
Вначале шум, потом живая речь,
Не схожая ни с чем.
— Мы заняты теперь уничтоженьем
Земного шара.
(Две сказочные тени
Мерцали в сумерках весенних.)
— А это в поученье всем
Иль как-то так, что мыслить ни к чему?
Кто приказал решенье изыскать
Для этой сказочной задачи?

— Да что за разница. Хотя бы и никто.
Тут всё произошло,
И варварское наше Королевство
Само в себе от века разделилось,
Расселось, — как над саклей, — облака,
А этот шар иль восьмигранник
Участвовал в разделе. Потому
Он должен расколотся, как орех.

Там видно будет, что после расщепя,
Вот как гусиное расщеплено перо,
Останется, — дух веет, где захочет...

В какой-нибудь ладье, отсюда, прочь,
До берегов других, что б ни случилось
Там, ну вот как тогда, после Потопа,
Тут всё измерено, обглодано, как кость,
Сиди на гноище да жди Пришествия Второго,
А встретишь как Того, Кто Судия
И Кто Свидетель, вот как мы с тобой?
Как встретишь Крепкого? Вот то-то.

— А как-то засветло на Божью Милость
Всей сложностью расцветшей опираясь,
Нельзя устроить всё — по начертаньям,
По тайным знакам, что горят повсюду,
Как Ангела следы, что только что прошел
И не заметил нас?

— Да он-то нас увидел,
А мы его и слышать не достойны,
Не то чтоб зреть, и потому займёмся
Старинным нашим делом, чтоб понять,
На что способны. А на многое способны,
Коль Аристотеля под утро перечесть
Иль на заре вечерней.

— Ты уничтоженье
В виду имеешь? Ну, ты и силён.
(Я даже высунулся из-за sklepa.)

— Ты сам сказал. Да только не о Происшедшем
Мы говорить тут собрались, а о Возможном
Невероятном, что шумит, как непогода,
Повсюду, или Бог, иль даже Дуб,

Что тот же Бог, вот только в рабском виде,
А мощного величья не утратил,
И говорить умеет, как никто другой.

Как эти речи буйным ветром унесло,
Я не заметил. Только что две Тени
Виднелись тут: могучий властелин,
Мудрейший из злокозненных тиранов,
Другая точно, — ясный Аристотель,
О ком тут речь звучала, как родник.
Да мне сдаётся, что за это время,
Как разговор я слушал, странный, чудный,
Земля внезапно раскололась, чтоб собраться,
Как скифские элегии, баллады
В другом порядке.

СТАНОВЛЕНИЕ В ПУСТЫНЕ

Преследующий себя, — он мудр и прост,
Владея сокровищем, — которого нет, —
Он похож на древний каменный мост, —
Над высохшим руслом, где блеск и свет.
На дворец, заметённый вешим песком,
В мощной пустыне, где слышится звук
Старинной беседы, редкостным языком
Разгибающей нечеловеческий круг.
Похож на ребёнка, на верблюда, на льва,
Одновременно, как всё это умеет он,
Неизвестно с чего, — и подбирает слова
Где придётся, чтоб возместить урон.

Идущий из Вселенной премудрый Ловец
Рыб, человеков, зверей и птиц
Похож на него, вот как Зелёный Венец
И песчаный шелест неоглядных страниц.
Но внезапно и совершенно не утратив лица,
Он касается в воздухе светлой черты,
Издравле начертанной волей Творца,
А созданной, — из радости и красоты.
И вот тогда разнообразье личин
От дервиша и книгочея, и разных иных,
Теряет значенье, как бездна причин,
Не взявшая таинства странствий земных.

Тот Рыцарь полнощный на быстром Коне
И Отрок болящий, на что они мне?
Конь чёрен, и знает, чем кончится бег
В дубравах зловещих, как аспидный век.

И Рыцаря с Отроком, царственный груз,
Уносит он в Край — Разрешения Уз.
Он видит Его из-под чёлки густой —
Да он же там рос, наравне с красотой.

Но чудно молчит аргамак удалой,
На тонкой стезе, очарованной мглой.
Он знает, что Отроку в чаще лесной
Дьявол явился — священной весной.

Сулит исцеленье, забвенье сулит,
И Божьего имени знать не велит.
О да, то шумит европейская ночь.
О Конь, уноси этих пойманных прочь!

Да, этих, погибших, он вправе Туда
По тайной стезе водворить навсегда.
Он скор и послушен, как сказочный рок,
И тысячи видел похожих дорог.

Он слышит, как Отрок, вперяясь во мрак,
Желает знать больше, горит Его зрак,
Но тише! Видений злокозненных Час
Разрублен мгновеньем, и кончен рассказ.

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Наедине с эпохой молодой,
В столетии, где только свет и тьма,
Я отдыхал, как битва иль тюрьма,
И называл незримое — звездой.

Ад — за углом, а рядом райский сад,
Где Серафим, не причинив вреда,
Распевом чудным отодвинул ад,
Вернул дороги, пашни и стада.

Я слышал, как вода ломает лёд,
И как источник, плачущий навзрыд,
Великий мир по имени зовёт,
Как это имя, под землёй сокрыт.

И падал снег в лиловый полумрак,
И торопился космоногий конь,
И засорялся временем овраг,
И становился именем огонь...

К ДРУГУ

Красоты на земле ровно столько, что больше нельзя,
Да как раз прибывает, и вольный искус приращенья —
Твой разборчивый мир! И повсюду, как тайна, стезя,
И в грядущем, и в прошлом ты вряд ли достоин прощенья.

Там — дракона обидел, что горы огнём попалил,
Тут — ключи золотые оплошно забрал у гиганта,
Пеньё Сиринов райских во мгле дорассветной хвалил,
Да ещё не таил, не жалел, — ни ума, ни таланта.

И в пустыне заметишь доселе неизбранный взгляд,
И не то, чтоб ведёт, безысходно хранит, заграждает,
Это — выше тебя иль другое, но вровень и рядом велят
Мыслить, зреть и творить, чтобы видеть, как дух побеждает...

Как вместить невозможное, шумный расскажет поток, —
Точно связка мелодий, а в ней — эти скифские звуки.
И, куда ни посмотришь, — с тобой новозданный Восток,
Власть могучих руин и Творца милосердные руки...

ЕЛЕНЕ

Есть в благодати неслучайной
Великолепье дней иных,
Овеянных раздольной тайной
Путей нечаянных земных.

Загадкой русской Фиваиды
Сияют детские глаза,
Все беззаконные обиды
Смирив, как бурю — небеса.

Цветенье ветки италийской
И вереск сумрачной Литвы,
В речах внезапных путь неблизкий
И в повороте головы.

Зелёной молнии рассказы,
Почти спокойные — о том,
Как псковской веянье заразы
Опустошило древний дом.

Но то всего невероятней,
Что от унынья твоего
Мне радость сделалась понятней,
И мир, и тайное его.

Пустынной Греции преданья,
Недальней родины твоей,
И возвращенье мирозданья
Из расступившихся зыбей...

ЗВЕЗДА

Наверное, Тот, Кто знает о нас,
Кто любит нас, как детей,
Кто выковал День, изготовил Час,
И спас от ловчих сетей, —

В начале дней, потонувших в веках,
Решил рассказать о том,
Что тайное тайных в наших руках,
Но передумал потом...

И, ровня авгурам, теперь гадай,
Не Сказка ли Сказок тут,
В упряжке из лебединых стай,
Что к миру, как речь, влекут...

Но будет воля Твоя, не моя, —
Об этом я мыслил, как Бог,
Желая видеть круги бытия,
Как тысячи здешних дорог...

ПРОЩАНИЕ С ДРЕВНОСТЬЮ

Я в древность, как в лачугу, заглянул
И понял чудно, без желанья:
Тут что-то от ужасного закланья,
Но сказочный кристалл, но мощный гул.

Тут вещи все разбросаны, как прах,
Никто не подберёт и не поставит
На то же место, разве храм в горах
Напомнит как-то, что в иных мирах
Могучий дух раздольно правит.

Как чаща сероглазая, как даль,
Что неоглядно ясноока;
Как то, чего необъяснимо жаль,
Но если тут начертана печаль,
Так это — древняя дорога.

В конце дороги — плахи, топоры,
Вселенская опричнина, победа
Над внешней тьмой, что княжит до поры,
Игралищем таинственной игры,
Потом — чудесная беседа...

Как здесь, чтоб принародно не соврать,
Мы в той же древности вселикой.
Но так восхищены Единой Книгой,
Что странно драхмы собирать
Иль что-то говорить о жизни дикой...

12 декабря 2021 г.

ВТОРАЯ НАВИГАЦИЯ

Те, кто помнят меня отроком зверским
В черте Белухи иль пред шатром Памира,
На Елоховской десятине,
А то в Ермолаевском переулке.

А не то на быстрых речках,
Вроде Иртыша иль Катуня,
Вправе спросить, о чём я думал?
Над чем веселился иль в тяготах благодати
Становился мрачным — без страха и упрёка?

И ответу, как тогда б не ответил,
Мыслил о том, как тут оказался
С какой целью иль диковинным порученьем.
Что на каждом шагу попадались загадки,
Разрешить которые было вряд ли возможно,
Да вот тысячи беспомощных и дивных предметов,
Врозь и парами, а то множеством великолепным
Что-то хотели рассказать, перебивая друг друга,
На руки просились, терзали и слух, и зренье,

Да всему научили, чему только научить способны
Всё знающие обо мне фрагменты Вселенной —
Что за иерархия начертана, и как с ней обходиться,
Я узнал после, принимая на веру подорожные речи.

ВТОРАЯ НАВИГАЦИЯ

Ничего, братья, не решилось толком,
Не видать семиствольной цевницы,
Не слышать принцесс подземного царства,
Не сошёлся весёлый Орфей с Плутоном,
И неясно, что тут со всеми нами будет, —
Из того, что пером заране начерталось. —
Лишь Железное Древо с листвою зелёной
Десять сущностей вместо одной обещает.

Да вот Благодарный Мертвец на Единороге
Доберётся к нам, — мёртвые ездят быстро, —
И разберём, что всё тут не так, как зрится,
Бродячий философ, он в мгновенье ока научит
Как всё слышать и видеть на этом свете,
Скорый помощнике, он растолкует смиренно,
То, что нам от молодых когтей было доступно,
А потом нас — ни с того, ни с сего — подменили,
Полубоги-полузвери, восхищённые карнавалом,
А мы сами себя заморозили родным и вселенским...

ЕЛЕНЕ

Есть в сумерках пресветлая черта
Она из графики чудесной
Выходит, — как живая красота, —
Земной, дорожной и небесной.

И сумерек неодолимый вождь,
Гробовщика обличие имея,
Меняет знак, и безупречный дождь
Вдруг сыплется, дымясь и пламенея.

И дьявол, совершенный богослов,
Тут поражён безмерным изумленьем,
Среди камней печален, — Бог помилуй,
Да он же, гром иль совершенный ум,
Тут сломлен красотой, как дикой силой.

Тут доблесть церкви деревенской в ней,
И там, над кладбищем великих скоморохов,
Трилистник пламени, как ход незримых дней,
И даль пространств, как храм Ильи-пророка...

Красота, без охоты влекущая нас,
Как повозку Таинственный Вол, —
Что за диво? Небесно-земной рассказ,
Тайна, древность и произвол.

Это веянье духа, но во плоти,
И, по милости вольных дней,
Начертанье немислимого пути
Из кромешного царства теней.

Можно двинуться к миру, а он отягчён
Тьмой истории, ветхостью лет,
Стоит двинуться к Крепкому, он обречён
На изысканно-точный Ответ.

Что он скажет и как? То пустыни Язык,
Ход вещей, — не начертанный знак, —
Даже к этому диву я раньше привык,
Да всё снова возьмётся не так.

Эти кудри, что Дюрер изобразил,
Иль живот, что Пракситель навек
В камне верном. О, мне доставало сил
Видеть этих бровей разбег, —

Эти смуглые руки ловить впотьмах,
И наощупь колючую щель —
Цвета ночи, да это же ты сама,
Дивный жар и кудрявый хмель.

Превращаясь в камень, обвитый мглой,
Иль хранимый полнощной Рекой,
То ли Рюрик я, то ль Мстислав Удалой,
То ли полностью Род людской...

* * *

Я снова в лабиринте удалом.
Затвор старинного гиганта,
Устроившего этот мир в былом
При блеске верного таланта,
Отвратным тут же сделался ему,
И он, оставив циркули и лиры,
Отправился в светящуюся тьму,
В тот горный лес, что посредине мира.

Но тут очаг дымится, как тогда, —
И предстояньем вещею примера
Тут вещи твёрдые, вот как всегда
Разбросаны, и проломилась сфера,
Чтоб я ушёл вослед — куда-нибудь, —
Из этой дивной кельи иль темницы,
Начертан в сердце этот ясный путь.
И вьётся нить, и встреча состоится.

ПОХВАЛА УЧИТЕЛЮ (рисунок пером)

Как равный с равным, говорит со мной,
А заодно таинственные знаки
Как будто подаёт, да так и есть,
Но лучше это утаить от мира,
От глаза, от чего-нибудь ещё,
Как эти знаки, — тонкую улыбку,
Отправленную в область темноты,
Собравшейся не только в этот вечер,
А здесь укоренившейся на срок,
Никем не установленный, но можно
Сейчас понять, что отмотали срок,
И вот, располагаясь ближе к воле,
Тут говорим, наверно, как всегда, —
Как греки говорили, чтоб не кануть
На дно вещей, а вещь свободной
Представить, не приделанной к себе,
Пойдёт-пойдёт, — он говорит без жеста,
Какой тут жест, да тут сверканье, блеск
Карельских водопадов, белой ночи вид
И дивный лад, как будто не земной,
А взятый из какой-то новой плоти,
Что на земле, как Слово, проявилась,
Когда? Когда? Да вот сейчас и здесь,
Как ветвь в цвету или мгновенный взгляд,
Уловленный когда-то без охоты
Понять его, взять в оборот, присвоить...
Тут время не течёт, чтоб всех убить,
Но пчёлами роится, и звучит, и блещет
Невероятным клином журавлиным,
...Найти ключи, и оказаться в Доме,
В другом краю Вселенной, вот задача.

ДОМ И САД У ДОРОГИ

Тёмная прялка в светлом углу,
Всемирное колесо, потерявшее ход, —
Юная Парка выбрала ткань, иглу,
Пространство мира устраивая наоборот.

Прекрасна и увёртлива, как чистый дух,
Она тебя сделает тем, кто ты есть, —
Вся — зрение она, вся — совершенный слух,
И число великолепное, которого несть.

А когда ты скроешься в тёмных веках,
Возвращаясь в Коринф или Царьград, —
Внезапно поймёшь, что её несёшь на руках,
Плачущую, как в парчовом ненастье — сад.

ДЕГА ПИШЕТ СОНЕТЫ (определение поэзии)

Алексею Грякалову

Когда он взялся сочинять сонет,
И Малларме одобрил направленья
Простое, как отточенный стилет,
И странное, как пламени явленье, —
Он вспомнил несравненное мученье,
Вот как тогда, в Италии, весной,
Где фрески Джотто уловило зренье
Зрачком алмазным вместе с тишиной.

Я вижу: замкнуто пространство.
Очерчен круг, понятен свет.
Но, разрывая постоянство
Здесь те, кого на свете нет.

Так безупречно и ревниво
Трилистник этот золотой
Звенит и блещет: — Всё тут живо,
Но дышит вещей пустотой.

И только сумерек отрада
Преображает снег и дождь,
И безымянная прохлада,
И нежная решётка роц.

И лишь старинные затеи
Любви, свободы и огня,
А не волхвы иль чародеи, —
Роняют в сумерки меня.

И ветер царского тепла
И рокот полночи дубовой,
Чтоб к жизни дивной привела
Любовь по лестнице готовой...

ПОХВАЛА БАРАТЫНСКОМУ

Качается Всемирный Понт,
Вот как душа не верит телу.
И Пироскаф — за горизонт
Идёт к чудесному пределу.

Туда! Туда! Со мной Господь
И Якорь, поднятый из мрака.
Но разминулись Дух и Плоть,
И в прах развеялась отвага, —

Всё преложить, и свет, и тьму,
Поставить мерные творенья
На службу, — сердцу и уму,
Как Божий дар соударенья.

Но кажется, что не ушёл
Певец за край невероятный.
А вновь, ни лёгок, ни тяжёл,
Находит сумрак благодатный.

И дивный голос всякий раз,
Когда владычествует буря,
Звучит, и пламенный рассказ
Я различаю, брови хмуря.

«Не стоит Божьего лица
И время ясности последней,

Как плесень древности соседней,
Не заградит алмаз венца».

«Но тайной повестью земной,
Вздых земляного Океана
Без обещанья, без обмана,
Найдёт в тебе простор иной».

«Всё золотая крепче нить, —
Всё тоньше зрение ночное,
Дуб, камень, вихрь соединить
В своё, небесное, земное...»

ОСОБЕННЫЙ ИЗГИБ ВЕТВЕЙ

Изгиб злодейства и коварства
В сплетеньях сказочных ветвей
Простор исчезнувшего царства,
Но чудо повести Твоей, —

Но дождь обломный упадёт,
Измерив дольные соблазны
Внезапным шумом, — жизнь идёт,
И дни её многообразны.

На безначальный наш театр
Сияют древние созвездья,
Не всё едино, Рай иль Ад,
Разумной повести возмездья.

Где тут коварство иль обман?
Всё тут избранно и живо,
И вот цветущей ветви диво,
Как вольный свет, что Богом дан.

О, сказка сказок — этот Сад,
Весь в чудных начертаньях мрака
Здесь околдован древний Ад,
Но пламя тайное, но влага —

Причина древних мятежей, —
И чернозёмные пучины,
И неслучайный лёт стрижей,
И дождь, как слёзы без причины...

ЦЕРКОВЬ ОДНА

Полнолуние. Битвы шумят в небесах.
Отзываясь на крепкой земле.
Как угодно, и Смерть не стоит на часах,
Но проходит Кометой во мгле.

В земляном Океане мерцает ладья.
То виденье иль радости знак?
Боже Крепкий, да это же Церковь Твоя,
А оттуда — божественный мрак.

Как начертан теперь? Может быть, Симеон,
Столпник чудный над быстрой рекой?
Краше не было храма. — Да Он, хоть — не Он,
И не спрашивай, Кто Ты Такой?

Тут же Влас и Модест, как живой разговор
Всех со всеми, — над пляской теней, —
И повсюду играет небесный раствор,
Как пастух темнотных камней.

— Там пророка Ильи необъятный рассказ,
Ты же сам — Елисей — иль не так?
Да хранит тебя Бог, всё расскажет о нас
Только Дух иль божественный мрак...

АЛЕТЕЙЯ

Всё небесной крепится смолой,
Тёмной геометрией потока
Вынуто, и твердью удалой, —
Братьев по оружию, от Рога,
Что сокрит, но явлен, как дорога
До незримой радости былой...

Мне чужая слава не нужна,
Разве холод вещего примера.
Что за притча? Проломилась сфера
Божьей волей, и звучат слова
Как-то так, что не уходит вера,
А вступает в древние права.

Начертанья безупречных знаков, —
Мы на белом свете не одни,
И не то, чтоб много тут родни,
Или чуждых, — Творче сохрани!
Но великий мир не одинаков.

Доблесть мира — тёмная дорога.
Ничего, что начало светлеть.
Не ловить впотьмах Единорога,
И ключам печали не звенеть.
Жар углей дубовых безначален,
Буйный ветер, — вспыхнут языки, —
Эти песни в мире не звучали,

Но печалить сердце не с руки.
И другое выбрали заране,
И простор начертанный не в счёт.
Не корабль в пустынном Океане —
Дух стоокий к тайному влечёт...

МАЛЕНЬКИЕ ЛИСТВЕННИЦЫ (область наибольшей красоты)

Без желанья увидишь, как древо чудесно растёт,
Ветки тайно раскинув в нечаянной воле своей,
И мизгирь безмятежно, как мир, паутину плетёт,
И нигде, как прерывность, над звуком живет соловей.

Перед летом в лесу все равно что без твердой земли,
Всё вчерне, в становленьи, по-детски стоит на своём,
Как столетья живые, — стеснившись в алмазной пыли,
Или каменный мост над едва различимым ручьём.

Прежде времени, рядом, наместо безглавых рамен
И жилища кикиморы с грудой ненужных вещей, —
Веет чистое благо и ветер звучит перемен,
Что заране случились, раздольней, светлей и горчей.

Но тебя потрясёт только мощь, воплощённая тут,
Безначальная мера, решённая кроной простой,
Что в пространстве встаёт, как в сосуде чудесный сосуд, —
Нерешённой загадкой и верной тебе красотой...

ХЛЯБЬ И ТВЕРДЬ

На востоце в Раю пребывает
Птица Сирин, свистит, завывает
Посреди живоносных бесед, —
Ближе к нам Ей пристанища нет, —
Это диво со света сживает.

Но простор, целокупный и твёрдый,
Озаряет Вселенной углы,
Круг земной, Океана валы,
То живой, то причудливо-мёртвый,
Чтобы сказочный голос и гордый
Без ущерба струился из мглы.

Мы должны его слышать хоть краем
Безмятежного слуха, чтоб тут
Показались невиданным Раем
Хлябь и твердь, что оттуда растут,
Вот живём тут и не умираем...
Дни, как Сирины, в бездне поют.

На Волхонке белой, на Полянке,
На Покровке дымно-золотой,
Не рыдай о барышне-крестьянке,
Не рыдай о церковке пустой.
На обломках древнего порога
Вдруг преткнувшись, понимаешь ты,
Как ловить во мгле единорога
На приманку вечной красоты...
Посреди вселенского ненастья
Начертанье светлой полосы.
Что там? Да шекспировские страсти,
Тёмный храм невиданной красоты.

— Вновь увидишь в книгах имя Бога,
Точно власть вселикой красоты.
Вспомнишь, как ловил Единорога,
Как с охоты не вернулся ты...
Правда, это счёл великим благом,
О котором мыслил, словно Бог,
И в поход ушёл с чудесным стягом,
На котором был — Единорог...
Тут же Лев, как чистая стихия,
Чтоб стал свет, — и вряд ли просто так
Ты узнал, что явится София
На холмах других, как древний знак...

ДРАМА

Труба, личина и кинжал,
Как сказка бытия.
О драма, кто тебя решал,
Не смею мыслить я.

Войдёшь в Театр, а там Она,
Старуха из старух,
И вечно юная Жена,
И совершенный дух.

И демон сцены не смущён,
Что гениальный зал
Играет сказочно, как он.
Но я не так сказал.

Тут все играют, как всегда,
И место для игры
Везде, и ликов череда,
И падшие миры.

Тут поражает красота,
Мелькание личин,
И вновь безумствует мечта,
Как сказка — без причин.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАССКАЗ

Шёл я по улице, избранный мраком,
Воздух гигантский теснился окрест.
И, ниоткуда, немислимым Знаком, —
Вдруг просиял Театральный Разъезд.

В посвистах вьюги из тьмы многодонной
Тысячи дивно-знакомых картин
Я разглядел, и Шекспиром влюблённым
Стал без желанья, — себе Господин.

Тысячи лиц, что начертаны веком,
Что же тут было? Да всё на виду, —
Пламенем адским, райским ли снегом, —
В чудной толпе, точно в зимнем саду.

Тут перечёркнуто время, как слово,
Кто-то иное рисует — взамен,
Как захотел, чтоб от Промысла злого
Не распечатался варварский плен.

Тут необъятное зеркало Сцены,
Как многорукий реликтовый вяз,
Тут заодно — Одиссей и Сирены, —
Духов светящихся веют для нас.

Сад мой, Театр, вот из древнего склепа
Выводок вольных и пламенных чад, —
Речь, звук, мелодия — Промысел неба,
Древние флейты всё так же звучат.

БРОДЯЧИЙ СЮЖЕТ

Нас было много, как всегда,
Но снова, как во время оно,
Взыграло сказочное лоно,
Восстала тёмная вода.

Исчез гигантский материк,
Одна великая пучина
Раскрылась, как Первопричина,
Но я заране к ней привык.

А волны, как холмы, росли,
Как будто не было в помине
Креста в горах, ручья в долине,
И всей разборчивой земли.

В объятых мощи неземной,
Которой прежде не касался
Я понял, что всему виной
Сам ненароком оказался.

Не сразу, но из шумных вод
Встал берег, как хребет Дракона.
Когда? Когда? Возврат Закона
Высок и чист, как звёздный свод...

И вот, на крепких берегах,
В пещере, древней и чудесной
Твержу, как сказочный монах,
Страницы повести небесной...

26 июня 2004 г.

УЗКАЯ ТРОПА

Юрию Милославскому

Есть начертанье дней иных
В персти иль адском обиходе
Неточных радостей земных, —
Внезапный мрак иль что-то вроде

Пером начертанный изгиб
Твердыни, как недоуменье,
Да вот мерцанье, лязг и скрип,
И серафическое пенье.

В расщепе точного пера
Искус избранной дороги, —
Дуб говорящий, мрак стокий
И — узкая тропа в горах.

Что прилучилось от Звезды,
Иль докатилось из геенны,
Нельзя понять, тут мрак руды
И крабовидный блеск Вселенной.

Тут гений что-то различил,
Да на бумаге не оставил
След гармонических чернил
И строк чудесных не прославил.

Священный ужас, но когда?
Хоть Птица Сириин наготове

И петь согласна, как всегда,
И стать мелодией при слове.

Да, узкая тропа в горах,
И тёмный прах из уст Эола,
И красота, и Божий страх,
И то, что ясно без глагола.

И всё, что толком не взялось,
И Там, как цвет, невероятно,
Да тут в Событие срослось
И к нам теснится благодатно.

ВАРЯЖСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Дом, возлюбленный мной, девятнадцатый век,
Я уже разгребаю твой дымчатый снег.
Верно, долго ходил я за древней молвой,
На косматые плиты клонясь головой.

Но Твоей красотой повернули к дарам, —
И любимой глаза, и заброшенный храм,
Где животные-птицы из Камня глядят.
Где цветущие ветви от мира шумят.

Дом, возлюбленный мной, златоверхий, святой,
Дай понять, что за тень над твоей высотой, —
Дай понять, что за свет окликает меня
На великих холмах неподъёмного дня...

ВЕЧНАЯ БИТВА

(в духе древнерусских миниатюр)

Битва с драконами на мосту
Продолжается много лет, —
Синяя река играет внизу,
От листа к листу благоуханный свет

Течёт, — вырастает лес,
Ряженные рубят вековые стволы,
Творец спускается с низких небес,
Озаряя мировые углы
Светом истины, добра, любви,
А на великолепном мосту
Дракон и герой по колено в крови
Бьются за неслыханную красоту.

ПЛЕННИЦА-БЕГЛЯНКА

— Всего прозрачней на Земле печаль, —
Сказала горлица и улетела,
Не утверждая ничего, и жаль,
Что недоговорила, не допела.
И недовеличалась тут, впотьмах,
Могла б придумать что-нибудь иное,

— Всего прочнее небо на холмах,
Подвижное, как мир, а остальное —
Того же корня, даже скорбь в умах,
И то же в ней — подземное, земное,
Да вот как дольний прах и Божий страх...

Что взять от неприкаянных руин?
Да что угодно, Промысел исправит
Пустынный звук, и ты, как он, один
Среди гробов, в густых змеиных травах,
Услышишь мир, — как Божий Клавесин.

К АЛЕКСЕЮ ПРАСОЛОВУ

В изгибах безначального песка
Веселье тайное играет,
И светлый вихрь истлевшие века
В ковчег незримый собирает.

Ещё не схвачен зрением простор,
Но мир — волшебные руины, —
Навстречь выходит из подземных гор,
Из праха сумрачной долины.

И вот перед тобой Шах-и-Зинда
Возникнет мощью несравненной,
Всё в ней, да в ней селенья, города,
И повесть сжатая — Вселенной.

Всё это из песка воздвигнул ты,
Где вместе Альфа и Омега,
И серый пепл, и чудные цветы,
И повесть будущего века...

СОВА

(Белая ночь на Северо-западе)

В кругах и стрелах Зодиака
Невероятный зрит сквозь нас,
А с ним Земля глядит из мрака
Прозрачной мглой прекрасных глаз.

Куда теперь? Да всё едино —
Явь от виденья оторвать
Уже нельзя. И нет причины
Над тайным тайных горевать.

Нечаянным стяжаньем веры
Тут высока любая пядь,
Вселенной в облике химеры
Царить препятствуя опять.

Не дьявол ли играет нами,
Когда не мыслим, словно Бог,
В его же несравненной Дrame
На тверди тысячи дорог?

Тут всё — гармонии изгибы,
Вот очи мудрая Сова, —
Глаза расширенные рыбы
И листья узкие травы.

Победа, кажется — светает.
Но тут же тьма вещей других.

Сова роскошно излетает,
Принцесса замыслов нагих, —

Из пасти треснувшего Гроба,
В изгибах древних мозаик, —
Тут всё, тут Бык, а вот Европа
И золото-чёрный Материк.

Она, как Промысел, коснётся
Непредназначенной черты,
И ты узнаешь, что вернётся
Совсем не то, что мыслил ты.

Чего нам ждать? Да кто ответит.
И только страшно, что порой
Из вещей мглы, как образ, светит,
Крестом восходит над горой.

Тут сил загаданных стяженье,
Вот путь, как надпись на мече,
А там — роскошное мгновенье,
В лесном гремящее ключе.

Сова летит, не разрешая
Живых загадок вековых,
Столетия начерно мешая
Для нас, нечаянно живых.

Как будто точными когтями
Она схватила ТО, ЧТО ЕСТЬ,
И к нам нести сочла за честь,
Да нет, — мы Ей велели сами...

* * *

Немилосердный замысел обретает черты
Барышни-крестьянки. А над ней, пучины древней,
Зыблется столетье. То, что это именно ты,
Я взял из хоровода пустынных теней.

То, что это именно ты, спящая на ходу,
Точно в хрустальном гробе или в морской ладье,
Да всё равно, — в том же Лесу иль Саду,
Сложена, как баллада, из слов, цветущих везде.

Невероятный замысел обретает черты
Корабля, из пучины влачащего свет,
Куда-то, в область истины иль красоты.
Вряд ли это — Вызов, и вряд ли это — Ответ...

БЕЛАЯ ПОЛЫНЬ

Вспомни, что без любви не было ничего,
Трудно поверить, — но без веры, — тоска,
Посредине мира ты стоишь своего,
Перед кустом полыни, царственным, как века.

Лучше иль хуже сделался ты, не разобрать,
Вера, любовь, забвенье, — этот запах и цвет.
Были тысячелетия, — рождаться, зреть, умирать,
И возвращаться тайно, собой возвращая свет...

ГОДЫ УЧЕНИЙ

Как дивный пироскаф, октябрьская неделя,
Как вольный пароход, которому — Венец,
На нем плывет Катулл, страдая от безделья,
А правит кораблём немислимый Творец.

Неведомо с чего я миром любовался,
Как прежде не умел, коль был удержан взгляд,
И нет творца тому, как с горя убивался,
И в жилах до сих пор играет древний яд.

Два времени сошлись, две амфоры пустынных,
И воцарился мир, вот как мгновенный Рай,
Чтоб длиться наугад в горах или в долинах,
И там запечатлён вот этот древний край.

Начертана весна в багряном Элизее,
Зелёного венца играет вещей знак,
Туда плывет ладья, — как Ангел, — время сея, —
В невероятный мир, как в дорассветный мрак.

Вот ельник стрелчатый, вот мирная дуброва,
А с ней внезапный свет, — и зрелось бытия
Открылась наугад, хранительно-сурова,
А та, другая жизнь — как будто не моя.

И речи там не те, и встречи, и разлуки,
Да что-то там нашлось, чего нельзя вернуть,
Какой-то райский смысл невероятной муки,
Простой, как ремесло, и сказочный, как жуть.

ФЕСТСКИЙ ДИСК

Просыпающийся во мраке находит свет
В самом себе, не взвидев более ничего,
День миновал или тысяча крепких лет,
И кто на пиру глядел на него, —
Понять не дано, можно только владеть
Всемирной тайной, окружающей всех
Наподобие синего воздуха, — начинает светлеть,
Хоть округа тесна, как грецкий орех.
Он поднимает глаза, оказываясь один,
В тени придорожного Ясеня, — целый свет
Из многих составлен, сам себе господин,
Остается верить, что это царский ответ.
Остается поверить, что Фестский Диск
Начертаньем пути, заключённом в нем,
Поднимаясь вне мира, всегда впереди,
Окружённый нечаянно-верным огнем...

СТОЛБЦЫ О ЖЕЛАНИИ

В дольний мир без охоты придёшь,
Точно сдвинул железную стену,
Чтоб немедля устроить Геенну,
Из которой желанья возьмёшь.

Тут в безумных найдёшь письменах
Оправдание жребия злого,
Потому что в земных именах
Отразилось единое Слово.

Наудачу ты в пропасть шагнул
И, как жребий, извлёк направленье
В дольний мир и в таинственный гул
Этих рощ, где мерцанье и тленье.

Но сказать, что оттуда извлёк
Всё, что может назваться желаньем,
Ту же ложь повторить, — путь далёк
И грозит беспричинным закланьем.

Без желанья сжимая резец
(Отчего-то тебе это ясно),
Кто-то в камне взрастил образец,
Что мерцает, пространству согласно.

В нем расставлены материки,
Как слова в исполинской балладе,

Верно, эти деянья легки,
И Творец не остался внакладе.

В тёмных складках великой земли
Непомерная мощь обитает, —
То покажется, то пропадает
Этим кедром в алмазной пыли.

Этим камнем, наряженным в цвет,
О котором не скажешь ни слова,
Ни грядущего, ни бывшего
В этих жилах таинственных нет.

После гибели мира сего,
В час, когда остановится время,
Цвета этого странное семя
Воссозданию послужит его.

Верно, этот простор молодой
После гибели только воссоздан,
Всё тут ясно, — и древней бедой
Он оставлен, и людям не роздан.

И поймёшь, что заране спасён
И навек обречён новоселью,
И с желаньем ты соотнесён,
Точно скульптор с прекрасной моделью...

22 октября 2002 года

СРЕДИ ЗЕМЛИ

Два мощных голоса шумели,
Чтоб возмущился вольный дух
Среди земли, — да не из двух
Ты выбирал, — а звук свирели.

Да светлый круг за поворотом
Незримых, но великих дней.
А песни ночи? Кто там, что там?
Не Божий страх, но плач камней.

А голос дьявольский от мира
Ломился так, что всё тряслось,
Шумел, что ангельская лира
Всё пресекла, что тут нашлось.

Иль это Ангел так раскинул
Над миром сильные криле,
Что с шумом древность отодвинул
И мрак поставил на земле?

Грозил, что время завершилось,
Что камень тот же на пути,
А не прейдёшь... Но впереди, —
До этой мглы всё разрешилось...

Ты ждал себя, да не дождался,
Но точкой сказочного «Я»
Согласья звук во тьме раздался,
Как вольный рокот бытия...

ПОДРАЖАНИЕ ДРЕВНИМ

Я живу в повозке исполинской
Древних гор и аспидных долин.
А далёкой стала ты иль близкой,
Кто мне скажет? Я — всегда один.

Ты — дитя небес, отрада зренья,
Где теперь? Да это всё равно, —
Нашей встрече, со времён Творенья,
В дебрях совершиться не дано...

Разве что лучом шестого чувства
Можно уловить внезапный лик,
На узорах камня, — без искусства
Созданный. Вот как Творец привык.

* * *

Мелодия уходит, как веленье
Жить по-другому, и сама вдали,
Как молния иль светопреставленье,
Иль дерево могучее в пыли,
Живёт одна и презирает тленье.

Но избранным нечаянно верна,
Как пламени плавник иль тишина,
И знает, что явилась ниоткуда,
Да вот пришла сюда и навсегда,
То синий лес, то горная гряда,
Тут вид её, что вышел из-под спуда.
Вот я один. Что делать мне тогда?

Мелодией становится огонь,
Шум ливня, гераклитово движенье,
Внезапный мрак и плавное теченье,
Мелодией становится смирение,
Да разве мирен сказочный огонь?

ГНЕВ ДЕМИУРГА

В источник праведного гнева
Я без охоты заглянул,
И звук чудесного распева
Услышал, и старинный гул.
Я это счёл как вольный знак,
Желая с Ним договориться
Смирить его, но как-то так,
Чтоб тут же — самому смириться,

Да как же так? Невероятно,
Чтоб злоба — века или дня
Вдруг отвалилась от меня,
Как ведьма польская, да вряд ли,
Как что ни есть, да где броня?
Вот когти дьявола, как грабли.
Что хочет бездна от меня?

А Тот крылатый ураган
На полуостров наш отправил.
И месяц узкий на курган,
Как парус дьявольский, поставил,
Чтоб плыть во адский Океан.
Нам всем, да что-то не сошлось, —
В стяжении стихий, что врозь
Тут разыгрались, дождь и морок
Вихрь пресекли, летящий сквозь
Мир, что внезапно сердцу дорог,

Вдруг потрясённый до основ,
Налётом молний, счётом сорок.

И для меня источник слёзный
Явился в блеске, чтоб я зрел,
Как буйный ветер присмирел,
Свой нрав измерив грандиозный,
Из огненных сплетённый стрел...
Выходит, в мире двое нас
Сошлись, да как возможно это?
Смирился я, и Он как раз
Умолк, и стал твоим скелетом,
И дивным блеском серых глаз...

ВОСТОЧНЫЕ МОТИВЫ

Кто мыслит, как Бог, раздольно,
Окликнутый ясноокой
Свободой, — с зелёной веткой
В начале дороги?

А рядом с ней дикие звери
Стоят, как малое войско,
А дальше холмы золотые
Выходят с Востока.

Струится свет отовсюду,
И смотрит весёлый отрок
На свет, на зверей, на деву,
И мыслит, что прежде мира
Другой величался.

И всё там было другое,
И цвет небесный, и камни,
И только прекрасной свободы
Дыханье, веянье, облик
Все те же, что раньше...

Шумит непогода, и в горы,
Туда, где белая церковь,
Тропа уводит случайно,
Но он запомнит приметы,
Чтоб к сроку вернуться, —

И снова платить придётся
За то, что даётся даром...
И снова платить придётся
За то, что даётся даром.

Не знаю, с чего всё это
Мне с детства являлось,
Не знаю, что совершилось
На вольной дороге.

Пошёл я по белому свету,
Но некуда было деться
От вестницы ясноокой,
От древней свирели...

ПРИХОД ВЕСНЫ

Кто тут правит? Когда б мы знали,
Да и то, — разрыдались едва ли.
Это демон-рыдалец впотьмах
Сеет древний порядок в умах.
Это лютня, как месяц, играет,
Это гнев, что хранит, не карает.
Нет, играют вселенские снасти,
А простор несравненных скорбей,
Не имея таинственной власти,
Тонет в бездне зелёных зыбей.
Чтоб затопала в гневе ногами,
Васильковые очи зажглись,
Чтоб столетья живыми кругами
По алмазной траве разошлись...

ЦВЕТУЩАЯ ВЕТЬ

В начале дней понять не в силах,
Какой стихией ты объят,
Ты слышал, как струится в жилах,
Теряя свойства, древний яд.

Как нерасчётливо хваталась
Душа за вымысел любой,
И ветвь цветущая металась
В пространстве, занятом тобой.

И только чудное цветенье,
Во что поверить ты не мог,
И стало почвой, тяготеньем,
Перемоловшим древний рок.

В АВГУСТЕ 74-го

Когда проснётся красота.
От века данная, как воля,
Дугой старинного моста
И сказочным изгибом поля
Повалится библейский дождь,
И роза, что цветёт за тыном,
Расскажет о пути срединном
Меж риз небесных и рогож;
Расскажет что-нибудь о том,
Что ждёт меня за поворотом
Прозрачных дней, но что там, кто там,
Я вспомню набожно потом, —
Открыт неслыханным заботам
Пред этим золотым снопом.
Под этим медленным серпом,
Плывущим по небесным водам...

ПУТЕВОДИТЕЛЬНИЦА (икона «Нерушимая стена»)

То ли мира шумят быстрины
Неизвестно когда,
То ли драхмы небесной казны
Долетают сюда.

Я дорогу искал в Бытии,
А зачем, — не пойму.
И преткнулся о руки Твои,
Разводящие тьму.

Я увидел цветенье, а в нём
Безначальный рассказ,
Что взлелеян чудесным огнём
То ли рук, то ли глаз.

То ли риз, безысходно-живых,
Как печаль иль скала,
В обрамлении веток кривых,
Где росла иль цвела.

Кто чертил и откуда принёс
Этот лад, этот гром
Из грозы долетающих слёз,
Что созреют добром, —

Тут земное, но сказано так,
Что явился Удел,

Мир нетленный, таинственный знак,
Что вчера проглядел.

Нет, увидел и чудом постиг...
Что случилось потом, —
Неизвестно, — да тут же возник
Этот сказочный Дом...

23 февраля 2005 г.

АНГЕЛА ПРИВЕЗЛИ

В Благовещенском храме, под утро,

Ты услышал, как звон издали.

— Кто там? — Ангела привезли...

Хорошо, мир устроен премудро.

— Где он? Скоро увидишь, пошли...

— Долго ль ехали? — Да из Касли...

Чудный лик и в алмазной пыли...

— А велик ли? — Столетия прошли,

Как возрос из гигантской земли...

Пробудившись, как странник великий,

Видишь: храмом становится свет,

А в глазах, точно зрение, дикий,

Дольний мрак исчезает в ответ.

Входит Ангел, как раньше, с гостями,

Даже дьякон могучий, как сон,

Перед ним и не весь, а частями,

Как-то так, что сказать не резон.

Лик прекрасен и чёрен, как деготь,

И стоишь ты, силён, как Фома,

Можно древние крылья потрогать

И узнать, чем подвинулась тьма...

ШАТЕР

Пустынной влагой мощных рек
Вращаются — очаг, ночлег,
Шатёр небес передо мной
Встаёт над радостью земной.
Что, если нам по силам вздох
В рог скрученных былых эпох, —
Мир, превращённый в жилы бычьи,
В ночные переливы птичьи?
В кремень и пыль земных дорог,
Где крепость, дуб, единорог.
О чём ты плачешь, дождь цветной?
О чём ты просишь, свист ночной?

ЮРИЮ МИЛОСЛАВСКОМУ

Утратив необъятное движенье,
Я снова в лабиринте удалом, —
Захваченный, — и Словом, и Числом,
И неизвестно — что за утешенье
Здесь и теперь, где выход — за углом.

Я истины хотел любой ценой.
И оказался там, где оказался,
И вновь иду на шум земли иной,
Так вот зачем в узилище касался
Столпа идей, что вырос надо мной.

Есть зеркало во мраке, в нём узреть
Намного легче тайное, земное,
Известное на четверть иль на треть
Вселенское, но страшное, родное,
Узнать внезапно, — чтоб не умереть.

И дивно угнездилось остальное,
Как ветвь цветущая, как дымные столпы
Восточных ливней. Так веди отсюда,
Мысль ясная, — на тёмный гул толпы,
На блеск и трепет, на дыханье чуда...

К ЗЕМЛЕ

Мне кажется, я знаю, что отсюда
Нам не дано уйти, и навсегда
Вот этот путь кремнистый, и вода,
Текущая на волю из-под спуда,
Как знак незавершенного труда;
И Ангела труба над мраком башен,
Звук радостно-глубокий, как руда,
Чей смысл от века благодатно страшен,
И тысячи долин, и эти города,
Как царственная сыть старинных брашен;
А если я уйду, то воротиться
Придётся начерно, и этот лёгкий шаг
Привычен мне, и дорассветный мрак,
И странное желанье — воплотиться,
Минуя дуб и одолев овраг;
Вот церковь древняя, эпохи Иоанна,
На царственном холме, или Петра
Собор гигантский, вспомнить не пора,
Но даль пространств всегда благоуханна,
И пахнет небом тёмная кора;
И разве одинок я в этом мире?
Ведь теснота оков, что мне дана,
Сулит свободу, что светлей и шире
Пространства целого, гремящего на лире,
Без времени, худого, как война;
Всё кто-нибудь со мной, и невозможно
Явь от виденья тайно отличить,
Видения от яви, вьётся нить,
Блестит алмазом, и велит оплошно
Два мира поскорей соединить...

ЭЛЕГИЯ ПЕРЕМЕН

Переменившись, замедляешь шаг,
Или напротив — тайна перемены
В медлительности этой, но душа,
Как в лабиринте, озаряет стены
Неярким светом, и любой предмет
Смысл получает вовсе беспредметный,
И, может быть, тут кроется ответ,
И столь велик избыток дорассветный
Огня, мерцанья, что движенья нет,
Но только поворот едва заметный;
Не грандиозным напряженьем жил,
Не по молитве, ведь ещё молиться
Не научился, — но земля, где жил
Предпочитает по-иному длиться;
Всё слишком неестественно, чтоб ты
Мог не поверить, и готовый опыт
Твердит, что это так, из красоты
Он красотой непостижимо добыт;
Как греческий невероятный хор,
Что связывает странные разрывы,
Перед тобой раскрывшийся простор
В тебе не видит жертвы иль поживы...
Одновременно тысячей дорог
Ступаешь ты, и мощное цветенье
С тобой идёт, но всякое растенье
На место водворил, — Единорог....

К ПОРТРЕТУ ДРУГА

Можно двинуться, да вот неизвестно куда
Влечёт геометрия заколдованных мест,
Возможно, Творцом обозначенная черта
На самом виду, но так, что искать надоест.
Что забыл он в месте проклятом и злом?
Да вот Прозрачная Ночь окутала Град
Священного Камня. Как девяностый псалом,
Во мраке развеличался реликтовый Сад.
Теперь он Садовник, представивший этот Сад,
И что ему виды мрака, и Сад узнаёт его,
Прекрасные годы учений, всечасное торжество
Невероятной жути, осилившей тайный Ад...
Замысел, брошенный в необъятный мрак,
Развеявший пепел чуждого бытия,
Он взял от мира, как чудный и странный знак,
Но втайне мыслил — Да будет воля Твоя!

КОСТЕР В ПУСТЫНЕ

Костёр в пустыне, и земли не надо.
Как некий дервиш, я зажёл его
И услышал: — О чём тоскуешь, чадо?
Ты взял огонь из гроба моего.

Не знаю, как сложились эти звуки
В таинственно-благоуханный ряд, —
Дул свежий ветер, от необъятной муки
Остался только дивно-ясный взгляд...

Он, сотворённый не угрюмой мощью
Иль разворотом дьявольских затей,
А тьмой пустынной и свирельной ночью,
Хранящих нас от крючьев и когтей.

Хвала Творцу, что сказочные звуки —
Как замысел, но только во плоти,
Передо мной, тут завершенье муки
И начертанье вольного пути.

Тут стон Земли иль что-нибудь такое,
Но эти звуки стягивались в ствол.
То Божий страх иль знание нагое,
И дней иных роскошный произвол.

Мне сочетанье грандиозных линий
Казалось тьмой. Но дивный лик огня
Я вижу вновь. И снится для меня, —
Земле, — простор неотразимо-синий...

Я думал, что начертаны заране
Дни, годы, чтоб в пустыне иль в раю,
В живой пучине или в мирной бездне
Идти послушно замыслу, как раньше
Корабль шёл иль скифская повозка
Катилась по степи зелёной.
Всё так и есть. Да только с прибавленьем
Живого знания, непонятной скорби,
И к замыслу не то чтоб отвращенья,
А разных притязаний, — что велик,
И требует вселенского расчёта,
И разум должен с этим управляться,
Как с кораблем, повозкой, а не то
Погаснет, как очаг. А чтоб зажечь
И заново хоть как-то разобраться
С происходящим, — стоит позабыть,
Что было прежде. Да едва ли было.
Да тут выходит, что нельзя мириться
С отсутствием каких-то там предметов, —
И что придётся этот век неодолимый
Вдруг пересечь, вот как лесной ручей,
Угрянув в белой или синей глине,
С прекрасным зверьим черепом в руке,
Который и поможет не сказиться,
Потом окажется, что вся эта забота
Была нужна сама себе. Да привела
Домой. А что я знал вчера об этом?

ПОВСЮДУ, ВОЗМОЖНО, АД

Они идут по реликтовому лесу,
Как два огня, трилистник и другой,
Я понимаю, что это — Ад,
И великолепные земные стволы,
И зелень, мерцающая во мгле,
Озарённой небесной парчой,
В ней те же кремнистые складки.

Ясно, что это Бог удерживает чадо
В красивом плаще дорожном,
На вьющейся горной тропе,
Чтоб не утрашилась, не зашаталась
Над пропастью, превосходящей воображение,
Да она этого сделать не в силах.
Я помню прекрасное лицо,
Этот чеканный профиль и всё остальное.
Она слишком уверена в себе,
Она намного больше себя
И намного меньше себя той, что больше,
А я не представляю её — такой, как сейчас,
Хотя вот так же было всегда, и это — Всегда,
Вьётся тропа, они пробираются сквозь Ад
В тот же Ад земной, где я пред ними иду,
И вослед, и где-то рядом с ними,
Потому что вижу эту лёгкую стопу,
Продолговатую ладонь, шёлковую прядь,
Того гляди — засверкают глаза, блеснёт кольцо,

Но всё это не имеет хода в бродячем сюжете
Движения по Аду. И встреча, что необходима,
Уже состоялась — только она не знает про это.
Я мог бы, вспомнив Баратынского, произнести
Одно иль несколько её великолепных прозвищ,
Чтоб она рассмеялась, откинула капюшон, замерла
В изготовлении подвига и сделала несколько шагов навстречу,
Естественных и диких, как этот великолепный Лес,
Вереск, можжевельник, как всё, что совершено для нас
Тем, кто ведёт её, не делая из этого происшествия иль события...

В ДУХОВ ДЕНЬ

Как чужого заложник наследья,
В необъятный и сказочный миг,
Пробудившись в изгибах столетья
Ты узрел, что с тобой Проводник.

Он, глазами сверкнувший из мрака,
Объяснил, что погибнешь один, —
Потому что вселенская драка
Раскатилась до здешних долин.

Он, увидевший мрамор ступеней
Там, где тёмные складки земли,
Он составлен из лучших видений,
Что толпятся в зеленой дали.

Всё таинственно, даже неточно,
Если мудр иль свободен Творец,
Всё устроивший, вольно и прочно, —
А могуч, — Благодарный Мертвец.

Как Его схоронил? И откуда
Он узнал, где скитаешься ты?
Бог помилуй, но этого чуда
Ты просил, как в пустыне воды,

Как во мраке — жемчужного света.
И услышал премудрый Творец

Этот вопль, что не знает Ответа,
И явился великий Мертвец.

Как Свидетель необщего дела
Или общего, коль не соврать, —
То ль Постумия что-то велела, —
Да никто не хотел умирать...

Что за звуки? Глубоко и чудно
Дышит мир, или что-то не так?
Я решил, что поверить нетрудно
В этот мерный божественный мрак.

Мир нетленный сейчас отозвался.
Да с чего бы? Тут радость иль тьма
Дольних бед? Я-то как оказался
Перед царственной глыбой холма?

Не Мурза, начертивший алмазом
Древний стих на рассветном стекле,
А мерцающий вольным рассказом
Мир нетленный на крепкой земле.

Может быть, — да скорее иное
Тут начертано Божьим пером,
Чтоб чудесное сердце земное
Подорожным звенело добром...

Бык идёт по лиловой дороге
С дивной лирой в ужасных рогах,

Чтоб змеиные травы, — в тревоге
Заметались, как прах, в двух шагах.

Всё, что тут, на земле безысходной,
Как цветущая ветвь, прошумит,
Возвращается речью свободной
И могучей, как сказочный быт.

Нет, реченье становится цветом,
Белым светом, божественной тьмой,
Мощным Вызовом, дивным Ответом,
Явью храброй и Тайной Самой...

КРУГ

Все будет так или иначе,
Но безысходно ясен путь.
Душа моя! Давай заплачем
Когда-нибудь, когда-нибудь.

С полей вернувшись элизейских,
Вот так рыдала ты впотьмах,
В краях Московии злодейских,
На шумных призрачных холмах.

И снова горькими слезами
У Древа Жизни, там, в раю,
С тобой весна под небесами
Окликнет родину свою.

Как волшебство единой нивы
Огня и ветра тайный вздох,
И свет обратной перспективы,
И взгляд, которым правит Бог...

К ДРУГУ

Без гнева посмотреть на самозванство
Несчастливых дней, что тонут в новизне
Тысячелетья третьего, в пространство
Как будто занесённые извне, —
Весенней бурей, что лицо имеет
Билибинской кикиморы во тьме,
И всяк её увидевший немеет
И пребывает не в своём уме.
Безумных дней похмельные виденья
В основе превосходны и просты,
Но взятые несправедливо владенья
Без ужаса не можешь видеть ты.
Во времена Колумба удалого
Вот так же взят чудесный материк,
Вот так же миру явленное Слово
Переменил извилистый язык;
Пыль от повозок, стук копыт, рыданья,
Орудья пытки, призрачный оброк,
Взимаемый за всякое преданье,
Что только есть на трещинах дорог;
И я здесь самый первый из злодеев,
На платиновую ступив черту,
Не отступаю лютых дум, но чту
Видения пророков Иудеи, —
Как в юности, безумной и живой,
Где всякий шаг предполагал отмщенье,
Мгновенной напряженной тетивой

В пустое мировое помещенье, —
Где дорассветный мрак, огонь и свет
Вступают в поединок грандиозный
С живой стихией, чтоб цвести в ответ
На почве впечатленной и бесслёзной...

НЕБЕСНАЯ ЛАДЬЯ

Когда под облаком я шёл,
Прозрачной даль пространств казалась.
Таинственными, — Лес и Дол,
И Степь морской волны касалась.

Но вдруг, на лодке неземной,
Рыбак весёлый бросил вёсла,
И всё на свете стало — мной,
Вот как орудья иль ремёсла.

Куда теперь? Повсюду ждут
Почти вселенские заботы, —
Гигантский мир, печаль и труд, —
По чудной прихоти свободы.

И вот, как тысячи других,
В пыли веков неодолимых,
Грядущий цвет степей нагих
Я разглядел, и сонм незримых.

И вновь небесная ладья
В просторе сказочном повисла,
Но эти знаки, эти числа
Теперь иначе вижу я.

Наверное, в единый миг
В живом просторе неготовом,
Внезапным очарован словом,
Я тут же вспомнил весь Язык...

ЯТАГАН

Нажить врагов и оказаться в мире
Настолько мощном, дивном и свободном,
Что поначалу мира не узнаешь,
Как будто тот же самый, но другой
Во всех деталях, — в городах и весях —
Как будто не бывал ты, как купец,
За тёмными, за синими морями
Или за тысячей полнощных рек.

Но для начала сделался врагом
Ты сам себе, как янычар зловредный,
Ты ятаганом неким отхватил
Полмира своего, чтоб не влачился
Дракон могучий следом за тобой,
Всё пожирая: время и пространство,
Что за плечами ты вчера оставил,
А то очнёшься вдруг, чтоб зарыдать.

И вместо чудища с огромными глазами
Ты крепость за собой воздвигнул,
Где только что ходил, не зная толком,
Что делать там? Но как-то совершил
Начертанное Крепким; вот как повесть,
А вроде бы и дик был ты, и странен,
И слаб, и мал, — как вольное дитя.

А вот теперь и знать тебе не надо,
Кто враг, кто друг, поскольку стал другом

И по-иному взял порядок хода
Вот этих дней и этих странных лет,
В которых больше участи мгновенной,
Чем эпоса гигантского, что нам
Открыт до опыта и сказочно доступен...

ПСКОВ

Сцены рыцарских времен

Веселье духа, редкостная тьма
Земли, пустой наполовину, —
Начнёшь скликать друзей, — одну чужбину
Окрест найдёшь, а то придёт сама, —

Дождём обломным, бурей вековой,
Внезапно просиявшей властью,
Где целое соизмеримо с частью,
А часть юродствует сама собой.

Пучина обмелела, виден Ад,
Творцом разрушенный сегодня, —
О преисподней люди говорят,
Но воля царствует Господня.

А в камени начертано лучом,
О жизнь, расцветшая в молитвах!
«Я сорок рыцарей повергнул в битвах,
И смерть нашёл под рыцарским мечом...»

НАПУТСТВИЕ ДУХА

Не забыть, как живут на свете,
А не то узла не развяжут
Ни дороги, ни медный камень,
Ни высокая белая шапка.

По дороге идут навстречу
Непослушливые столетья, —
Всё земное перезабыли,
Всё небесное перемололи.

Не забыть, как живут на свете,
А не то удалые дороги
Приведут во все стороны сразу,
И заплачешь ты, зарыдаешь.

А не то попадешься в сети,
От которых уйти не сможешь
Кроме как по молитве особой
Иль по ангельскому догляду.

Прежде времени ты явился
На своей прямоезжей дороге,
Где дубы растопырили руки,
Будто чёрта вчера ловили.

Прежде времени загордился
Ты своей великой удачей,

И внезапно увидел такое,
Что едва не сделался камнем.

Всё-то золото да алый бархат,
Всё-то пыль да шёлковый шелест,
Всё-то важность одна да тонкость,
Всё-то разные таинства-дива.

Всё-то нищенство да юродство,
Да вампиры и вурдалаки,
Да кикиморы с ведьмаками.
Не забыть, как живут на свете...
Не забыть, как живут на свете...

УДЕЛ

(похвала можжевеловому кусту)

Всякий день провожая, как прах,
Ты дождёшься того, что проснёшься
Под кустом перевальным, в горах
И пред ангельским взором преткнёшься,
И, нечаянно взятый в Удел,
Позабудешь короткие слёзы
Над ничтожеством мыслей и дел,
Из парчовой составленных прозы
Дней иных, о которых сказать
Не успеешь единого слова, —
Кроме ангельского покрова,
Не желая других осязать;
И кувшин, и лепёшку найдешь,
И пути начертанье живого,
И от прежнего мира ни слова,
Ни единой черты не возьмёшь;
Только дивных строение дней,
И невидимых лестниц ступени,
Где прошёл между зверских видений
И презренных старинных теней;
Тут раскаянья вздох твоего,
Что Творцом приледеян заране
И шумит заживающей ране
Первым веденьем чуда Его;
Недовольство повадкой жрецов
И безумием дикой юдоли,

И печаль, что не лучше отцов, —
Тот же отблеск божественной воли, —
Всё вместил этот редкостный куст,
Символ смерти и символ спасенья
И открытого к Богу движенья,
Вплоть да жалоб, слетающих с уст.

К ПОРТРЕТУ ДРУГА

Набраться дерзости и разглядеть
Невероятный подлинник свободы,
Тут всё с тобой, тут горные вершины,
И тьма, и глубина, и мощный цвет.

И поцелуем вечной мерзлоты
От истины чужой и нелюдской,
Ты заграждён, от мысленного волка,
Как начертил свободный Златоуст.

Как чародей стяжения иль волхв,
Ты изучил вселенское приволье,
И в точку сжал, чтоб развернуть
Когда-нибудь, да хоть немедля,

Но хоровод сюжетов — без числа,
И что избрать? как юный Симеон
В пророчестве Исая усумнился,
Как множество других — во всём,

И с ними ты, и Ангела на помощь
Как тут позвать? Вдруг не придёт?
Ну да, сейчас ты вид такой имеешь.
Припомни Дюрера, там отрок Иисус

Среди каких-то привидений в церкви,
Он учит этот просвещённый сброд,

И воплощён как подлинник свободы.
Да как же тут не доверять Исайе?

Да только, умоляю, коль дойдёт,
Не избирай подземные сюжеты,
Иудин поцелуй, да хоть бы взгляд,
Кепарь иудин или какой бурнус,
Да что он там носил, ты помнишь...
К чему тебе ВСЁ ТО, ЧТО ХУДО.

НА ПОСЕВ ЛЕСА

Великолепный старик, что посеял кедровый лес,
Не от старости умер, а взят в небеса, —
Не про него сказано: терпел, страдал, исчез, —
С младенчества поднимающего глаза, —

Вот райского древа пречудный ствол
И чёрно-зелёные развилины лет, —
Время представившего как светлый дол,
Слово представившего как белый свет.

То ли вспомнил Кедрон и Учителя юный лик,
То ли орехами захотел накормить детей,
Смеющихся в небесах, — видящих, как вдали
Он златопёрую рыбу вытаскивает из сетей.

Не Симеон-Богоприимец, но Мельхиседек, —
Невероятный старик, несущий из рода в род
Ребёнком — пасхальную свечку, а в ней Реки поворот,
Океан-реки, что правит разбегом Рек...

Взятые в Удел отличны от всех
Прямотой, таинственным блеском ума,
Всё тут, и бессмертья слышится смех,
И меч выходит из каменного холма
Древней земли, — вещи полны
Внезапным смыслом, — стол, очаг,
Внесённые в божественный каталог
Сильного мира, туда не направишь шаг,
Если тебя не окликнул Бог.
Внезапно земля превращается в дол,
Краткая хронология волшебного проста,
Путь, по которому ты пришёл,
Не имеет значенья, — истина и красота
В этом, — корни расплетаются в небесах,
Дворец, устроенный на руинах Дворца,
Ровня дубрав, в странствиях и чудесах,
И нечего страдать, что не видно Отца.
Вещих знаков таинственный рой
Послужит утешеньем, не вспомнишь пока,
Пред тобой когда-то здесь являлся герой,
И, ни в чем не успев, расступились века
Пред его движеньем, сказочным, как река,
Вот малая часть о взятых в Удел,
В эпоху предательства и подмен,
Ты делал всегда не то, что хотел,
Но так завершается варварский плен...

ЕДИНОЕ

Алексею Грякалову

Веселье мира и плач камней
Тут сходятся, как враги,
Тут ясный день, там долина теней,
И всюду не видно ни зги.

А если скажешь, что всё не так
И распре положен предел,
Тебя захватит божественный мрак, —
Да, верно, ты сам захотел...

В Тифлис иль обратно на перекладных,
А то, — к иудейским камням,
И сам, что камень, и много иных
Людей, что подобны камням.

Вернёшься с миром из древней мглы
На сказочный карнавал,
А тут поют мироздания углы —
Не те, где вчера пировал...

Тут вечно юный и вечно сырой
Таинственный град Петров
Встаёт небесно-земной горой
И пламенем скифских шатров.

И вольный рокот священной весны
Ты слышишь иначе, не так,

И даль неслыханной кривизны,
И взгляд, точно тайный знак.

Видать, что затмение в Бытии, —
Для прочих могучих страстей,
Что в нём роятся, как мысли твои
Иль трепет вселенских снастей...

БЕЛАЯ НОЧЬ НА РУССКОМ ЗАПАДЕ

Внезапна ты, ослепительная нагота
Вечерней долины, — два чудесных холма,
А дальше — совершенная красота, —
Катящееся солнце, прозрачная тьма;
Пространство мира — это и есть Бог,
Дело обстоит так, что каждая часть
Знает об остальных, и никто не смог
Определить эту странную власть;
Камень окликает камень, шумит ручей,
Точно мгновенно строится Дом,
И невероятный избыток — ничей,
Легко берётся пустынным трудом.
Вначале рушится молодая волна,
Со дна поднимающая небеса,
Изреченная мысль настолько трудна,
Что всё схватывают только глаза;
Над коричневым полем малиновый круг,
Белая ночь завершает путь,
И тёмный камень, полный заслуг,
С влажной земли невозможно столкнуть;
Два Единорога сокрыты в Быке,
Античная лира, превосходный канон,
Повествующий о времени и о реке,
Доселе удерживающий, как Гераклит иль Платон;
Вне пространства гремит соловей,
Напоминая трилистник огня,
И особенным сплетеньем ветвей

Вьётся чудная грива Коня;
С Европой обрывающийся роман
Не стоит терзаний; умная морда Быка,
Прекрасная, уплывает в туман
С женщиной, цепляющейся за рога;
Мгновенно вернувшийся Единорог
Превращает в пепел страницы тьмы,
И тысячей великолепных дорог
К сложному Богу приходим мы...

Кувшин с цветами на тёмном столе
Качается Богу навстречь.
Земля другая летит к Земле,
Как чудом звучащая речь.

Земля другая идёт к Земле,
И то не ужасный сон,
А Встреча, начертанная в Числе
Бегущих, как волны, времён.

Летят друг к другу материки,
Хребты и развилины рек.
И, верно, нам горевать не с руки
Листая за веком век.

При чём тут время, как некий знак,
Коль ясно, что в тот же час,
Ты там, где будешь, а если так, —
Но это другой рассказ.

И там, где не был, а здесь, где ты
(Элейской школе поклон!),
Тут ВСЁ —местилище красоты
И ужас со всех сторон.

Вот мысль о времени, — это ход,
Да только совсем иной,

И что-то роет премудрый крот,
И Царь вернётся домой.

И время — это любой предмет,
Да в нём обитает магнит.
И в этом тайного смысла нет,
Но Древо Желаний шумит.

И семь стволов, и разбег ветвей,
И листья с тобой заодно —
Да где-то рядом умолк соловей,
Гафиз разливает вино.

Но время, Талифа храни от него, —
То зверий неясный след,
Искусство чистое и волшебство,
Оттуда возврата нет.

Качнётся маятник, дождь заблестит,
Да кто-то спешит во ржи
К тебе навстречу. И Бог простит
Явленье времён чужих.

СВЯЗКА МОЛНИЙ

То ли корень бед открылся
В древней бездне, точно Змей,
То ль грядущий день явился
Мощью царственной своей.

Всё равно, не то, так это,
Всё сулит гигантский труд,
Здесь, теперь, далече где-то, —
Всё как будто — Страшный суд,
Всё как есть — Господне лето...

Выходя навстречу можжевеловому кусту,
Толком не поймёшь, откуда пришёл,
Все стороны света расходятся тут
Пред тобой, и ты идёшь с другой стороны, —
Никакой опоры больше не находя
В том, что обдумал или представил досель,
Думал, что рухнешь на полдороге, как столп,
А вот свистишь перед зеленью и чернью, как Див.

Как раз проявится могучий земляной Океан,
А солнце, катящееся, как огненное колесо,
Приобретёт не то чтоб примирительный вид,
Но ты поймёшь, что вовсе не прерывал свой рассказ,
Просто в нём теперь другой закал и чекан
И множество деталей, о которых вовсе знать не дерзал.
А как только обойдёшь вокруг таинственного куста,
Сделаешься тем, кто ты есть. А не то чтоб собой...

А вроде бы только вчера, в сказочной мгле,
Фонарь со свечкой схватив, за дорогу ходил,
И дальше, где дыры, пещеры и чудный мрак,
То ли потерянную овцу, то ли драхму, что там уронил, —
Ты искал, вот как звук свой Гомер или Гесиод,
Да вроде бы стадо нашёл и целый ковчег монет,
Чтоб зарыдать от нечаянно взятых даров,
И показалось, что безысходно мал этот небесный доход,
А другого тут ни достать, ни придумать нельзя.

ЧИН ОСВЯЩЕНИЯ ЗЕМЛИ

Из Египта время прилетело
Клином журавлей.
Дождь, весна, тебе какое дело
До его полей.

Но большие птицы за дорогой,
Совершая чин,
Говорят таинственно: «Не трогай
Странных величин.

Нам-то безначальная досталась
Времени петля,
И листом кленовым распласталась
Древняя земля,

Мы большие птицы за дорогой,
Вот и весь рассказ.
Ты печалью любовался строгой,
Провожая нас.

Нам-то все даровано заране,
А тебе дана
Красота, разлитая в тумане,
И сама Весна.

Мы большие птицы за дорогой,
За тобой следим,

Мы твоей печалью и тревогой
На тебя глядим.

С нами раскрывается округа,
Тают времена.
А в тебе — великая разлука,
Тайная страна.

Безначальной нивы звук высокий,
Одоленье тьмы.
Даже тот Египет совоокий,
Где взлетали мы.

Оттого все скорби разрешает
Цвет твоих полей.
А тебя, как счастье, поражает
Танец журавлей...»

10 февраля 2000 года

ПРОКЛЯТЫЙ ПОЕЗД

Я влетел на подножку. Струилось опавшее время.
Я почти опоздал. Чёрный лес вырастает окрест —
Как свободно и дивно! Как страшно гигантское бремя,
А тревожные звёзды блестящи, как лица невест.

Веет ветер пустынь. Он хохочет в дупло мироздания.
Это адская топка, но празднична и весела.
Я почти опоздал, но хранило меня опозданье.
Что за поезд ночной? Что за дивная новая мгла?

Понимаю, что есть. Понимаю, что было далече.
Но что будет, не знаю, не знаю когда?
В этом странном пути, что любого страшнее и легче,
В этом грозном пути, где звезде усмехнётся звезда.

А вагоны пусты. Всё полно только воздухом чёрным.
Здесь опавшее время вкатилось, вонзилось, легло.
И пред ликом весны, в тёмном вихре её чудотворном
Всё равно! всё равно! — дикий холод иль злое тепло.

Я фонарь подниму. Я прочту иероглифы ночи.
И легко улыбнусь в этот скрежет и сумрачный лязг.
Я попал наугад в исполинский позор средоточий,
Озверев от смертей, от печалей и каменных ласк.

В окна веет рассвет. В окнах пир молодого заката.
Справа — пик ледяной, а налево гудит океан.
Это чёрной змее, что жестока, сильна и крылата,
По душе Моя страсть и скользящий весенний дурман.

Стоп! Колёса зажглись. Разлетелись бродячие искры.
Остановка. Прощай! Надо, верно, бригаду сменить.
Новых двух или трёх, что беспечны, тревожны и быстры,
Из тоннеля в тоннель выбирая незримую нить!

Что за рощей висит? Что там в поле вечернем чернеет?
Хор заезжих цыган или царственный смех из дупла?
Я не знаю еще. Но змея, но змея разумеет.
Что за поезд ночной? Что за дивная новая мгла?

Я любил — не любил. Я глядел — не глядел на дороги.
Я влетел на подножку, от блеска огней оградясь
Вихрем грозного сна. О, спасите, всемирные боги! —
Я твержу в темноте, поминутно светлея, смеясь.

Поминутно дразня, поминутно смущая пространство,
Мир изменчив и дик, что захочешь — увидишь, гляди!
И железной змеи баснословно ночное тиранство.
Всё пожрётся змеей. Чёрт возьми, и любовь на пути!

Не пресечь, не порвать сатанинской натянутой нити.
Боже, я не любил! Что за дьявол глядит на меня?
«Ах! — Сказала. — Вы кто? И куда же все делись, скажите?
Просто нет никого, и уже со вчерашнего дня.

Я ходила, искала. Мерещилось дикое что-то —
Наяву и во сне». И глаза ещё раз подняла.
«Слава богу,шла. Я считала, но сбилась со счёта.
Сколько дней и ночей! Может быть, я уже умерла?»

Как маятник чудный
Почти без желанья качнётся,
Так степью цветущей
Незримое время начнётся.

Но, чувствуя тяжесть
Всегда несказанного дара,
Откроется зренье
На тайны планетного шара.

Он мыслит такое,
Что ты своего устрашишься,
Ведь нынче вас двое,
Но всё-таки не сокрушишься.

А вспомнишь раздольно,
Как часто разрывы иль связки
Из вашей беседы
Цвели, как волшебные сказки.

Не все тут бессмертны,
Но смерти обычной не имут,
Кто сделался бурей,
Кто камнем в пространство водвинут.

Кто именем новым,
Кто озером древним зовётся,

Путём неготовым
Незримое царственно вьётся.

Встречал ты повсюду
Всё то, что тобой становилось,
А то, что отпало,
В прекрасный чертог воротилось.

Ты в это поверил,
Вернее, ты с этим родился,
И разум гигантский
На скорби твои не сердился.

* * *

Верни таблички.

Катулл

Я тот, кто приходил вчера,
Чтоб взять таинственную книгу,
И кто ушёл, чтоб мрак двора
И дуб, похожий на квадригу,
Забывать, — как раз пришла пора.

А та, к которой приходил,
Об этом я сказать не в силах,
Прохладой закипает в жилах,
И столько стало этих жил,
Что точно прежде я не жил,
А в сорока лежал могилах.

Я рассказал тебя, как стон,
Как плач камней, чтоб не боялась
Видений адских иль времён,
Как лиственница, как закон
Цветенья мощного, как звон.
Палач уснул. А ты — смеялась.

Как странно, что, простившись тут,
Не встретимся нигде, так ясно,
Что это знать — напрасный труд,
А время, как топор, согласно
Поднять себя... ну вот, прекрасно,
Теперь мы глубже мощных руд.

Теперь мы — выше облаков,
Ведь серебристые волокна
Как раз в ногах, и лезут в окна,
Плывут на Биржу и на стогна;
Но так выходят из оков,
Как из тумана — в даль веков.

Вот как Исакий: он утёс,
Плывёт роскошно, без движенья,
Туда, откуда ветер принёс
Известье, что простор служенья
И там дороже бедных слёз.

Нет, чтоб от скуки зарыдать,
Но тот, кто я, не зарыдает,
А только вчуже загадает
То, что потом не отгадать,
Да разве даром пропадает
Всех этих знаков Благодать.

Мосты разводят, чтоб раздать
Вот эти признаки развязки,
Чтоб начиналась Сказка Сказки
О Вечной Сказке, дай понять,
Тот, кто, — но можно не пенять...
Тут воздух милостив по-царски,
Тут можно целый мир обнять...

Перелететь — на вольный свет,
Над сумрачным провалом лет,
Что там осталось, знать не след,
Жасмина куст иль свет из праха.

И, приземлившись на краю,
Вернее, с краю примостившись
Плиты подъёмной, не простившись
Ни с кем, ни с чем, я там стою,
Как здесь, и целый мир таю,
Грядущему едва примстившись...

А книга, — всё, из-за чего
Возникла оторопь такая,
Я не забрал её, нагая
Ты в ней, одетая, другая,
И стоишь, может быть, всего,
С цветком иль около него,
Вот как пчела... Но одного
Я не пойму, тебя слагая,
Чего хотел я? Иль кого?

Всё в этой книге — о тебе
Иль ни о ком, да всё едино,
Но блеск, играющий в толпе,
Как чудный звук тоски былинной,
Всё стало белой ночью длинной;
Как мысль, что вдруг нашла в себе
Другой изгиб земли старинной...

ЗНОЙ

Мы только что явились. И сейчас
Начнется небывалое доселе.
Но зыблется не начатый рассказ,
Как пёстрое земное новоселье.

И наши европейки все те,
Что и всегда, и севшая на камень
Смугла, как нежность, а по темноте
Весёлых слов, — я понимаю: Кармен.

И карлик, что бежит передо мной,
Вполоборота клавишами скалясь,
Всё тот же дух таинственный, земной, —
Мы только что... Мы только что расстались.

Откуда я пришёл и для чего
Вот в этот час? И дверь ещё раскрыта
И тлеет на глазах; да что с того, —
Та жизнь, как смерть, заране позабыта.

Но пятна тленья грезят на пути,
То здесь, то там, как знаки проступая,
Как мысли, что отсюда не уйти,
Да ящерица смотрит золотая, —

С камней зелёных, призрачно-желта,
Увёртлива, ей хвост подвижный в тягость,

И рада ускользнуть, хоть без хвоста, —
Вот выходы и входы, моя радость!

Я Марциалом был позавчера,
Или Орестом, или Телемаком;
Как страшно всё! Новоизбранным мраком
Уже горит небесная гора.

А здесь я кто? Есть имя у меня,
Прекрасное и ясное, как пламя
Другой земли, и в нём другая память,
И воскрешенье нового огня.

«Другие земли зноем опалят.
Забудешь всё, но всё же в час урочный
Двух светлых или дымчатых козлят,
И дикий взор, и лепет полунощный
Найдёшь, хоть вечно ходишь наугад...»

КОРОНА

Дуб-подросток танцует вокруг нас.
Благовещенье, тайный апрель,
Но про это, — другой рассказ,
И туман, и цветенье, и хмель.

То-то времени ход замолк,
Но порядок хода велик.
Круг земной до того размок,
Что приблизился край земли.

Но изысканный, царственный ствол,
Животворная связка ветвей.
Сей пучок, обозначивший дол
Неизмеренной воли своей.

То-то вдруг поглядел дубок,
Повернувшись тысячу раз.
Божье Чадо, и Дух, и Бог,
Не забудешь прекрасных глаз...

7 апреля 2000 года

На той земле, где жили мы с тобой,
Шумят дожди, поют леса и реки.
И с ужасом ты говоришь: — Мы — там,
И как понять, что это так, а не иначе,
Как думаем сейчас? Хотя — я знаю,
Мы — там и здесь, да мало ль где ещё,
Я помню Лес, что мне вчера приснился,
Не то чтоб Лес, но, может быть, Дворец,
Да только он другой, и тысячей живых дорог
Пронизан был, как чудное строенье,
Которое одно и заставляет, как совершенство, —
Всё двигаться, вращаться, жить, смеяться
Или рыдать, как что увидишь вдруг
Затменя вроде, от которого все птицы,
Все звери вдруг приходят в трепет...
Но круг малиновый опять встаёт над полем,
Но воды плавные опять текут, как встарь...

В августе

Когда останешься одна
В прекрасной тишине,
А в ней и Камень, и Волна, —
Не думай обо мне.

Вся эта повесть бытия,
Как Ангелы — в Огне,
И не твоя, и не моя,
Что думать обо мне?

В зеркало ночи не гляди,
Вот как в начале дней,
А то, что будет впереди,
Не чудный ход теней.

Вот древний рог идёт в окно,
Со свечкой в глубине
Волшебный сумрак, — всё равно
Не думай обо мне.

Мы где-то есть, но в том краю,
Он избран среди иных,
Мы пребывали, как в Раю,
Но в странствиях земных.

Не то чтоб хода нет туда,
Да есть тот ход прямой,
Всё те же — горная гряда
И славный путь домой.

Всё та же узкая тропа,
И месяца рожок,
Про это — сретенский тропарь.
Так спой его, дружок.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Зелёная лампа на тёмном столе,
Куда мы пропали? И как это так?
Как древняя карта — узор на стекле,
Картина разлуки иль радости знак.

Серебряный месяц, великий январь,
О чём он шумит? О чём он свистит?
О том, что работает Зимний Почтарь,
И скоро из бездны письмо прилетит.

На что эта бездна? И кто ей Творец?
Я слышал когда-то чудесный ответ,
Он где-то горит, как подземный Венец,
И вьётся из бездны неведомый свет.

Тут Древо желаний растёт из камней,
И вольная повесть таинственно длится,
И ветки зелёные в царство теней
Заходят, и не с кем победой делиться.

Тут Крепкий читать небеса научил,
Как древние книги, что нам неизвестны,
И тысячи глаз рассиялись из бездны,
Да вот как созвездья в угрюмой ночи.

В готической церковке лёгкой,
В извилистых царских лесах,
В дубах на равнине далёкой,
Где смерть не стоит на часах, —
Столетней печали господство
Закончилось в этом краю,
Не царства взыскует сиротство,
Но тайну находит свою.
Прозрачные, чудные годы,
Недаром отсюда видны,
Потопа лиловые своды
И Каина древние сны.
Но тайна не здесь коренится,
И незачем помнить о том,
Как тёмная влага струится
И зыблется мир, точно дом.
И пламенник чертополоха
Начертанный где-то вдали,
Встаёт, как другая эпоха,
Которой себя обрekli.
Тут рыцарский орден пирует
За дружеским крепким столом,
И славы чужой не ворует,
И время завяжет узлом.
Тут древняя блещет беседа,
Раздольна, волшебна-трудна,
Таинственным веденьем света

Из бездны, как мир, создана.
Всё кроется именно в этом,
И уровни мрака легки,
Объяты редкостным цветом
И бегом прекрасной Реки...

БЛАГОДАТНАЯ ОСЕНЬ

Время размолото на жерновах безобразных,
Скрытая в них красота выходит на свет, —
Видом — царевна, духом — зловещая птица,
А как поглядишь, — Сирина из райских садов.

Мельник людей окликает, — не хочет ли всякий
Быть перемолот, — а если желания нет,
Нет ли желанья, — смолотым быть, — без согласия,
Смерть обыграть, — в мрачные игры ея?

Мельник смеётся, — всякий давно перемолот,
И жернова, — те, что уловят людей,
Сами размолоты, и в благодать обратились,
Смехом бессмертья долгод серебряный звук...

В ПАВОДОК

Величается детство, дороги зажав в кулаке,
В синеокой темнице шумит дословесная мгла;
Плещет рыба на Волге, играет туман на Оке, —
Время создано тленьем, и слово дороже числа.

Мальчик в белой сорочке, наверно Матфей иль Андрей,
Лодку двинул во тьму, и бесшумно земля поплыла, —
Ты запомнишь другое, ты будешь помощник царей,
Время создано тленьем, и слово дороже числа.

Поглядишь на огонь, вспоминаешь сверкающий меч,
Вёсла бросишь во тьму, постигаешь искус ремесла,
И повсюду в тумане играет возвратная речь, —
Время создано тленьем, и слово дороже числа...

Куда я денусь? Листья ночи
Забывшим бархатом блестят.
И сохраняют от сети ловчи,
И восхитятся, и простят.

Вот благодать земли воскресной:
Ладья, плывущая вокруг глыб,
И холод радости небесной,
И старец, потрошащий рыб.

Наверно, викинг, из последних,
И страшный нож гремит о стол,
И слышен стон долин соседних,
И мерный слышится глагол.

В проломе жизни необъятном,
Как в лабиринте удалом,
Мерцанье нити благодатной
И знак, что выход за углом.

Вот безысходно-юный голос,
Вплетённый в рубище псалма.
Вот Ангел обрывает колос, —
Источник вьётся из холма,

Могуч и дик земной порядок,
Мгновенно всё. А я тяжёл,

И в этот мир, что вечно краток,
Я слишком далеко зашёл.

Нечаянным стяжаньем веры
Тут высока любая пядь,
Вселенной в облике химеры
Царить препятствуя опять.

Тут, что ни шаг, преображенье,
Всё наизнанку — Тьма и Свет,
Полёт над бездной — без движенья,
И всё тут есть, чего здесь нет.

И точно ветер с Океана, —
В неочарованной дали
Другая жизнь, темна, желанна,
Огонь, играющий в пыли.

Он весел, он людей не судит,
А за огнём глаза блестят.
За всё, что было, есть и будет,
Тебя простят, меня простят.

СОДЕРЖАНИЕ

Чужие небеса	9
Когда-то прежде	10
Заколдованное место	11
«Когда ни письма, ни события...»	12
Большая игра	13
Новая адская почта	14
После грозы	17
Становление в пустыне	20
«Тот Рыцарь полнощный на быстром Коне...»	21
Взгляд со стороны	22
К другу	23
Елене	24
Звезда	25
Прощание с древностью	26
Вторая навигация	27
Вторая навигация	28
Елене	29
«Красота, без охоты влекущая нас...»	30
«Я снова в лабиринте удалом...»	31
Похвала учителю (рисунок пером)	32
Дом и сад у дороги	33
Дега пишет сонеты (определение поэзии)	34
«Я вижу: замкнуто пространство...»	35
Похвала Баратынскому	36
Особенный изгиб ветвей	38
Церковь одна	39
Алетья	40
Маленькие лиственницы (область наибольшей красоты)	42
Хлябь и твердь	43
«На Волхонке белой, на Полянке...»	44
Драма	45
Театральный рассказ	46
Бродячий сюжет	47
Узкая тропа	48

Варяжская элегия	50
Вечная битва (в духе древнерусских миниатюр)	51
Пленница-беглянка	52
К Алексею Прасолову	53
Сова (Белая ночь на Северо-западе)	54
«Немилосердный замысел обретает черты...»	56
Белая полынь	57
Годы учений	58
Фестский диск	59
Столбцы о желании	60
Среди земли	62
Подражание древним	63
«Мелодия уходит, как веленье...»	64
Гнев демиурга	65
Восточные мотивы	67
Приход весны	69
Цветущая ветвь	70
В августе 74-го	71
Путеводительница (икона «Нерушимая стена»)	72
Ангела привезли	74
Шатер	75
Юрию Милославскому	76
К земле	77
Элегия перемен	78
К портрету друга	79
Костер в пустыне	80
«Я думал, что начертаны заране...»	81
Повсюду, возможно, ад	82
В духов день	84
Круг	87
К другу	88
Небесная ладья	90
Ятаган	91
Псков. Сцены рыцарских времен	93
Напутствие духа	94
Удел (похвала можжевельовому кусту)	96
К портрету друга	98

На посев леса	100
«Взятые в Удел отличны от всех...»	101
Единое	102
Белая ночь. На русском западе	104
«Кувшин с цветами на тёмном столе...»	106
Связка молний	108
«Выходя навстречу можжевельовому кусту...»	109
Чин освящения земли	110
Проклятый поезд	112
«Как маятник чудный...»	114
«Я тот, кто приходил вчера...»	116
Зной	119
Корона	121
«На той земле, где жили мы с тобой...»	122
«Когда останешься одна...»	123
Зимняя ночь	124
«В готической церковке лёгкой...»	125
Благодатная осень	127
В паводок	128
«Куда я денусь?..»	129

Литературно-художественное издание

Сергей Гонцов
ВТОРАЯ НАВИГАЦИЯ

Главный редактор
Д. А. Ивашинцов

Технический редактор
Д. У. Орлов

Художник
Д. Д. Ивашинцов

Верстальщик
Н. Л. Балицкая

Учредитель и издатель: НП «Русская культура»
195220, СПб., ул. Фаворского, д. 12, лит. В

Адрес редакции: 195220, СПб., Гражданский пр., д. 24, офис 11
Контактные телефоны: (812) 534-96-34; +7 (921) 368-07-57
E-mail: info@russkymir.org

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации причиняющей вред их здоровью и развитию»
книга предназначена для детей старше 14 лет

Подписано в печать 22.07.2023 г.
Формат 60×100/16, усл. печ. л. 8,375.
Тираж 100 экз. Заказ №